

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТУРГЕНЕВЕДЕНИЯ

И. М. ГРЕВС

ГРАФИНЯ ЕЛИЗАВЕТА ЕГОРОВНА ЛАМБЕРТ (Чистая дружба)

Публикация В. А. Лукиной

Один именно доброжелательный рецензент <...> выразил сожаление, что пишу я на старый лад. Трудно старому помолодеть, особенно когда в своей старине он находил превосходные образцы, на которых долго учился (конечно, не возьмусь судить о качестве достигнутого результата). Но нынче русский язык пребывает в состоянии еще хаотического брожения к неизвестному новому; перечувствовать пока не у кого, а подражать еще бесформенному вышло бы неестественно и бесцельно. Пусть уж будет мне позволено писать, как умею: надеюсь, что понять меня, во всяком случае, не трудно всякому, кто пожелает.

И. М. Гревс

Известный медиевист и историк культуры Иван Михайлович Гревс¹ (1860—1941) значительную часть своей жизни посвятил изучению биографии и творчества

¹ И. М. Гревс является автором «Очерков из истории римского землевладения» (1899), ряда работ по истории средневековой культуры и быта («Очерки флорентийской культуры», 1903—1905, очерки о Данте, 1913 и 1923, и др.), научно-популярной книги «Тацит» (1946, опубликована посмертно), однако большая часть его исследований осталась неопубликованной. По воспоминаниям Н. П. Анциферова, «Иван Михайлович совершенно не заботился о печатании своих трудов. Ящики его большого стола были полны рукописями» (см.: *Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступит. ст., сост., примеч. и указатель А. И. Добкина. М., 1992. С. 177*). Большую часть жизни И. М. Гревс посвятил педагогической деятельности: почти полвека он занимал кафедру истории Средних веков Петербургского (с 1924 Ленинградского) университета (1899—1941), преподавал также на Высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге (1892—1918), фактически став основоположником семинарской системы и экскурсионного метода в русском университетском образовании. Среди учеников И. М. Гревса в разное время были Н. А. Сергиевская, Н. П. Анциферов, О. А. Добиаш-Рождественская, Н. П. Оттокар, Н. С. Врасская, Л. П. Карсавин, Т. Б. Лозинская, Т. П. Ден и многие другие. Об И. М. Гревсе см. воспоминания Н. П. Анциферова: *Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. С. 164—178, 399—407* и по указателю, а также: *Вахромеева О. Б. Духовное единение: К изучению творческой биографии И. М. Гревса / Под ред. Г. Е. Лебедевой.*

ва И. С. Тургенева. «Тургенев — один из самых моих любимых среди родных писателей, — признавался он в оставшемся незавершенным очерке „О влиянии Тургенева на меня и о соприкосновении с ним”, — с самого отдаленного моего детства, через отрочество и юношество, во всю мою жизнь до старости. Я люблю его, восхищаюсь им, наслаждаюсь его словом, образами и мыслями, почитаю его, как дорогого учителя правды и красоты, испытываю на себе многообразные силы его влияния, ощущая множество нитей духовных, связывающих меня с ним. Главная тайна этой связи, думаю, кроется в том, что обозначается словом, которое мы часто повторяем, но которое полногласно звучит в очень немногих, — словом *человечность*, *humanitas*. Это свойство проникает великого писателя как очень немногих, это глубочайшее понимание всей полноты человеческой природы и умение „вибрировать” духом на все благородные стихии ее, тем самым сливаясь с человечеством и очищая дефекты собственной личности и очищая других».²

Публикуемая работа И. М. Гревса «Графиня Елизавета Егоровна Ламберт (Чистая дружба)» является частью неопубликованной книги «Женские образы в жизни Тургенева», которая, как и большая часть разысканий в области тургеневедения,³ сохранилась в архиве ученого в рукописном виде.⁴ Среди них — «Спасское и Рос-

СПб., 2005. 166 с.; *Ее же*. Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860—1941). СПб., 2004. 372 с.; *Каганович Б. С.* И. М. Гревс — историк средневековой городской культуры // *Городская культура: средневековые и начало нового времени*. Л., 1986; *Его же*. Люди и судьбы: Д. И. Шаховской, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, И. М. Гревс по их переписке 1920—1930-х гг. // *Звезда*. 1992. № 5—6 (Май—июнь). С. 160—170; *Скрябинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс // *Гревс И. М.* Тацит. М.; Л., 1946. С. 223—248 и др.

² *ПФА РАН*. Ф. 726. Оп. 1. № 267. Л. 1. По свидетельству Н. П. Анциферова, «Тургенев был особенно близок Ивану Михайловичу. Его труд „Любовь Тургенева” выдержал два издания и, как мне говорили, был включен в число книг, рекомендуемых Лигой наций» (*Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания. С. 403). Еще в гимназические годы И. М. Гревс несколько раз имел возможность видеть Тургенева, выступавшего с чтением своих произведений в Петербурге (в частности, во время приезда писателя в Россию в 1879 г.). Воспоминаниями об этих «встречах» с писателем Гревс очень дорожил. Н. П. Анциферов вспоминал, как «Иван Михайлович читал нам те страницы „Дворянского гнезда”, которые он сам слышал в исполнении самого Тургенева. Иван Михайлович при этом живо подражал манере читать писателя, его интонациям и жестам» (Там же. С. 404).

³ В 1922 г. вышла статья Гревса «Образы Италии в творчестве И. С. Тургенева» (Начала. Пб., 1922. № 2. С. 64—105), впоследствии выросшая в небольшую книгу «Тургенев и Италия (Культурно-исторический этюд)» с приложением литературной справки «Тургенев и Петербург» (Л., 1925. 126 с.), в 1925 г. увидели свет его статьи «М. П. Драгоманов о Тургеневе (Из вновь найденных материалов)» (Былое. Л., 1925. № 3. С. 113—130), «И. С. Тургенев в письмах к Полонскому» (в кн.: *Кони А. Ф.* Юбилейный сборник. Л., 1925. С. 136—161), а в 1927 г. — «История одной любви: И. С. Тургенев и Полина Виардо» (М., 1927. 262 с.), в скором времени раскупленная и потребовавшая второго издания, которое появилось в существенно расширенном и переработанном виде в следующем году (М., 1928. 369 с.). В 1993 г. книга была переиздана (в редакции 1927 г.), см.: *Гревс И. М.* История одной любви: И. С. Тургенев и Полина Виардо / Предисл. Н. В. Головки. Минск, 1993. 176 с.

⁴ *ПФА РАН*. Ф. 726. Оп. 1. № 249. 466 л. После смерти Гревса, последовавшей в 1941 г., заботу о его архиве принял на себя близкий друг Ивана Михайловича — академик Владимир Иванович Вернадский, передавший материалы в Архив Академии наук СССР. Ныне материалы архива И. М. Гревса составляют фонд 726 в Петербургском филиале Архива РАН (*ПФА РАН*).

сия в творчестве Тургенева (Очерки по истории его мирозозерцания)»,⁵ «Религиозная драма Тургенева (Опыт истории души)», «И. С. Тургенев в 1840-м году (неизданные письма)», «Социальные перспективы в мысли Тургенева последних лет („Новь”)» и др.

Полное название рукописи, часть которой представлена в настоящем издании: «Женские образы в жизни Тургенева (Библиографические, историко-культурные и психологические очерки)». Помимо главы о графине Ламберт, в книгу должны были войти отдельные этюды о Т. А. Бакуниной, О. А. Тургеневой, М. Н. Толстой, М. А. Маркович (Марко Вовчок), Ю. П. Вревской, Е. С. Волконской, С. К. Кавелиной, М. Г. Савиной и др.

Созданию обобщающего труда предшествовали подготовительные исследования, посвященные каждой из героинь И. М. Гревса: некоторые из них были практически полностью завершены, другие же так и остались в черновых набросках. Поскольку публикация книги затягивалась, Гревс, по всей видимости, предпринимал шаги к напечатанию некоторых ее частей в виде журнальных статей.⁶ Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что, помимо общей рукописи «Женские образы в жизни Тургенева», в архиве сохранились отдельные «этюды», которые носят следы подготовки к печати, — «Графиня Мария Николаевна Толстая»,⁷ «Ольга Александровна Тургенева (Мысли о браке)»,⁸ «Легкая дружба. Мария Александровна Маркович (Марко Вовчок)»,⁹ «Тургенев — Вревская»,¹⁰ «Мария Гавриловна Савина (Последняя дружба-любовь)»¹¹ и др.

⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. № 236. 322 л. (черновой и белой автографы). Предисловие к этой незавершенной работе было опубликовано В. А. Громовым, см.: «Спасское и Россия в творчестве Тургенева» — неизданная работа историка и литературоведа И. М. Гревса // Спасский вестник. 1992. Вып. 1. С. 73—79.

⁶ Так, идея опубликовать отдельно (до окончания работы над книгой) главу о М. Н. Толстой, ценные материалы для которой, включая письма Марии Николаевны к Тургеневу, Гревсу неожиданно удалось обнаружить при содействии К. С. Срезневского, была подсказана ему Д. И. Шаховским в письме от 12 января 1931 г.: «Дело в том, что вся твоя книга, чрезвычайно ценная и нужная, увидит, однако, свет не так скоро. „Сентименты” теперь не в моде и трудно пробивать себе путь, как ни явна их значимость в жизни людей и, следовательно, их законнейшее право не только на жизнь (жизнь — ни в каком праве не нуждается), но на изучение. Но тема, освещающая Тургенева и толстовскую семью, да еще разработанная на основании новых материалов, проскочит всякие рогатки и послужит великолепным преддверием ко всей книге, а книга очень выиграет в глубине и полноте от твоей максимально углубленной, сосредоточенной работы на одном сюжете и отсрочки выпуска ее в свет. Наверное, органически созреет и заключительная глава» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. № 334. Л. 437 об.). Близкий друг И. М. Гревса князь Дмитрий Иванович Шаховской (1861—1939), видный общественный и государственный деятель, один из создателей и руководителей «Союза освобождения» и конституционно-демократической партии России, крупный исследователь русской философской и общественной мысли, в том числе наследия своего родственника П. Я. Чаадаева, вместе с И. М. Гревсом, В. И. Вернадским, Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбургими, А. А. Корниловым и др. входил в «Приютинское братство». О Д. И. Шаховском см.: Шаховской Д. И. Письма о Братстве / Публ. и коммент. Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского и М. Ю. Сорокиной // Звенья. М., 1992. Т. 2. С. 174—318; *Его же*. Избранные статьи и письма. 1881—1895 / Сост., вступит. ст. А. В. Лубкова. М., 2002. 320 с.; *Его же*. Статьи и наброски / Публ. А. А. Златопольской // История идей в России. Исследования и материалы. СПб., 2004. С. 111—145.

⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. № 244. 144 л. (черновой и белой автографы).

⁸ Там же. № 247. 30 л. (черновой и белой автографы).

⁹ Там же. № 241. 49 л. (черновой автограф).

¹⁰ Там же. № 242. 127 л. (черновой и белой автографы).

¹¹ Там же. № 248. 54 л. (набросок).

К числу завершенных, очевидно, следует отнести первый вариант работы о графине Ламберт, который представлял собой небольшой очерк под заглавием «Дружба в письмах И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт (Набросок)» и который был окончен в марте 1928 года.¹²

История знакомства Тургенева и графини Елизаветы Егоровны Ламберт (1821—1883) остается одной из самых малоизученных и загадочных страниц в биографии писателя. Во многом это обусловлено тем, что, помимо известной исследователям переписки (сохранившейся далеко не в полном виде), сведения об их отношениях и о самой графине крайне скудны. Весьма незначительно количество упоминаний имени Е. Е. Ламберт в переписке писателя с другими корреспондентами, а также в мемуарной литературе, посвященной Тургеневу.¹³ В этом отношении публикуемая работа, несмотря на длительный отрезок времени, прошедший с момента ее написания, представляет несомненный интерес и сохраняет научную ценность.

Как свидетельствуют материалы архива И. М. Гревса, тема «Тургенев и графиня Ламберт» долгое время (со второй половины 1920-х и до второй половины 1930-х годов) находилась в центре интересов ученого, занимавшегося ею в самых разных аспектах. Намерение посвятить отношениям писателя с этой незаурядной женщиной отдельное исследование возникло у Гревса, по-видимому, еще в ходе работы над «историей любви» Тургенева и Полины Виардо, в которой уже был намечен ряд положений, получивших дальнейшее развитие в публикуемом исследовании. В предисловии к первому изданию книги, заранее предвосхищая возможные упреки в несвоевременности затронутой проблемы, Гревс писал: «„История любви“ — тема старомодная и будто бы устарелая для нашего отнюдь не сентиментального времени. Теперь свысока относятся к нежным чувствам. За „модой“ я не гонюсь, и притом моды возвращаются, — подождем <...>».¹⁴

Во вступлении к первому варианту очерка о Е. Е. Ламберт слышатся отголоски общего настроения и положений, на которых будет строиться в дальнейшем книга Гревса. «Графиня Елизавета Егоровна Ламберт, — писал Иван Михайлович, — принадлежала к той группе выдающихся по душевным качествам, избранных женщин, которые играли в различные периоды жизни И. С. Тургенева искреннюю роль близких друзей и „поверенных души“. Неоднократное возвращение таких, можно назвать, „amitiées amoureuuses“ было характерною особенностью его сердца, его ярко выраженного тяготения к „вечно женственному“. <...> В ряду таких „друзб“ отношения к гр. Ламберт раскрывают одну из самых хороших, чистых страниц в „сентиментальной“ (лучше — эмоциональной) биографии Тургенева». Не случайно в качестве эпиграфа Гревс выбрал строки Шиллера:

¹² См.: Там же. № 239. 119 л. (черновой и белой автографы). Первоначальный вариант заглавия: «Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт» с подзаголовком «Набросок характеристики» (Л. 18). Окончание черновой рукописи можно датировать на основании пометы Гревса 17 января 1928 г.; в конце белой проставлена дата 1 марта 1928 г. Сохранившиеся на рукописи пометы говорят о том, что в 1928 г. Гревс предпринимал шаги к опубликованию очерка в сборнике, посвященном памяти Тургенева, однако осуществить это намерение ему не удалось.

¹³ «Литературные сведения» об отношениях Тургенева и гр. Ламберт исчерпываются несколькими упоминаниями в «Литературных воспоминаниях» П. В. Анненкова. Как справедливо отметил Г. П. Георгиевский, «за отсутствием других и более точных и подробных сведений, в биографии Тургенева совсем не отведено ей то обширное и важное место, какое принадлежит ей в действительности и по праву» (Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт / Предисл. и примеч. Г. П. Георгиевского. М., 1915. С. VI. Далее в ссылке: *Георгиевский*, с указанием страниц).

¹⁴ *Гревс И. М. История одной любви. М., 1927. С. 5.*

И. М. Гревс

O, du, die alle Wunden heilest,
Der Freundschaft zarte, liebe Hand!

Ты лечишь нежно сердца раны,
Ты — дружбы милая рука!

(перевод И. М. Гревса).

Эти слова проходят лейтмотивом через весь очерк, и впоследствии ими же будет открываться глава о графине Ламберт.

Сохранившийся в архиве Гревса первый вариант очерка о Е. Е. Ламберт был основан преимущественно на письмах к ней Тургенева, которые стали известны исследователям благодаря публикации Г. П. Георгиевского, осуществленной сначала частично в октябрьской книжке журнала «Голос минувшего» за 1914 год,¹⁵ а в следующем, 1915 году, полностью отдельным изданием.¹⁶ Согласно описанию Г. П. Георгиевского, вся коллекция, хранившаяся в Румянцевском музее (ныне

Российской государственной библиотеке), насчитывала 115 писем и небольших записок.¹⁷

Появление в печати обширного корпуса писем Тургенева к графине Ламберт вызвало заметный интерес в читающей публике. «Обнародованная Румянцевским музеем целая книга писем Тургенева, оставшихся до сих пор под спудом, — писал один из рецензентов, — является своего рода литературным событием».¹⁸ Однако публикация Георгиевского стала лишь первым шагом на пути к осмыслению и изучению открывшегося перед исследователями материала. Пролывая свет на некоторые ключевые моменты, она в то же время ставила новые вопросы.

По-прежнему загадочной оставалась фигура адресатки Тургенева. Во многом этому способствовал затворнический характер жизни Елизаветы Егоровны, особенно в последние годы жизни. Кроме того (и это, по-видимому, сильно интриговало читателя), не было известно ни одного ее ответного письма к Тургеневу.

Письма Тургенева из коллекции Румянцевского музея охватывали период в 11 лет (с 1856 по 1867 год). Изучение их позволило Г. П. Георгиевскому с большой

¹⁵ См.: И. С. Тургенев в переписке с графиней Е. Е. Ламберт // Голос минувшего. 1914. № 10. С. 186—231.

¹⁶ В виде отгисков из «Отчета Императорского Московского Румянцевского Музея за 1914 год» (см.: *Георгиевский*).

¹⁷ Перед смертью гр. Ламберт передала письма Тургенева к ней Александру Дмитриевичу Свербееву (1835—1917), действительному статскому советнику, занимавшему в то время пост самарского губернатора. Через несколько лет после смерти Елизаветы Егоровны, 7 сентября 1889 г. Свербеев принес их в дар Румянцевскому музею в Москве. Письма были переданы Музею в запечатанном пакете с условием, чтобы они хранились в этом виде 20 лет и были напечатаны не ранее 7 сентября 1909 г. По истечении 20 лет срок был продлен еще на пять лет, так что возможность обнародовать письма впервые появилась лишь в сентябре 1914 г., что и было вскоре осуществлено хранителем рукописного отделения Румянцевского музея Г. П. Георгиевским (см.: *Георгиевский*. С. X).

¹⁸ *Александров А.* О письмах И. С. Тургенева к графине Е. С. Ламберт (так!). Сергиев Посад, 1916. С. 1.

долей уверенности утверждать, что начало длительному «диалогу двух друзей»¹⁹ положило письмо Тургенева от 9 (21) мая 1856 года.²⁰ В то же время содержание последнего из известных писем Тургенева, датированного 29 апреля (11 мая) 1867 года, не объясняло причины, по которой после 1867 года переписка странным образом оборвалась. Настораживало также отсутствие каких-либо упоминаний о Елизавете Егоровне в письмах Тургенева к другим корреспондентам (например, П. В. Анненкову).²¹ Между тем графиня Ламберт скончалась в один год с Тургеневым, в июле 1883 года. Возникал правомерный вопрос: общались ли они последние 16 лет? На этот счет возникали самые разнообразные предположения.

Уже в очерке 1928 года Гревс назвал письма Тургенева к графине «одним из лучших „собрательных произведений“ его и одним из важнейших документов для истории его души». Собственно новых фактических данных о взаимоотношениях Тургенева и графини Ламберт в этой ранней работе было немного, поскольку, как уже говорилось, в большей своей части она основывалась на письмах, опубликованных Георгиевским. Считая, что письма Тургенева к Е. Е. Ламберт являются, наряду с письмами к Полине Виардо, «самой замечательной серией в его корреспонденции» и именно в этом качестве остаются непонятыми или превратно истолкованными,²² Гревс попытался восполнить этот пробел в предпочтительном для себя жанре *Seelengeschichte* («опыт истории души»);²³

Особое внимание ученого привлек вопрос о причинах прекращения переписки между Тургеневым и Ламберт. На момент создания очерка ему, по-видимому, были неизвестны письма Елизаветы Егоровны к Тургеневу. Тем не менее он обозначил несколько наиболее вероятных объяснений «исчезновения» графини из круга общения писателя после 1867 года:

— во-первых, прекращение переписки могло быть постепенным, логическим следствием духовного кризиса графини Ламберт, когда под влиянием перенесенных ударов — смерти брата В. Е. Канкринина, а затем и единственного сына Я. И. Ламберта, последовавших в один год, — она, возможно, замкнулась в скорбном одиночестве, окрашенном религиозным настроением. Это объяснение Гревс считал наиболее вероятным.

— во-вторых, причина произошедшего могла крыться в каком-нибудь идейном расхождении, активно выразившемся со стороны Ламберт протестом, действительным разрывом (здесь можно вспомнить свидетельство самого Тургенева о резко отрицательном отзыве графини по поводу романа «Дым», вышедшего как раз в 1867 году).

¹⁹ См.: *Granjard H. Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs»*. Paris, 1960. P. 7. Далее в ссылках: *Granjard*, с указанием страниц.

²⁰ *Георгиевский*. С. X; ср. также: *Granjard*. P. 9.

²¹ Сравнительно недавно выяснилось, что последнее по времени упоминание о Е. Е. Ламберт содержится в письме Тургенева к Полине Виардо и относится к марту 1871 г., когда писатель, по-видимому, встречался с графиней во время своего непродолжительного пребывания в Москве (см.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 11. С. 50).

²² Достаточно указать в качестве примера на статью В. Розанова «Отцы-воспитатели русского общества» (*Н Вр*. 1916. 4 июля).

²³ «В настоящем словоупотреблении, — писал Гревс в предисловии к другой своей работе „Религиозная драма Тургенева (Опыт истории души)“, — термин *Seelengeschichte* установился давно; никто его не оспаривает; у нас же он не завоевал прочного права гражданства; к нему прибегают случайно, — а при нынешних умонастроениях, утверждающих в послереволюционной России, ему даже, думается, грозит осуждение и изгнание; между тем он очень выразительно воплощает суть дела при построении жизни личности» (*ПФА РАН*. Ф. 726. Оп. 1. № 237. Л. 3).

— наконец, третье предположение о том, что чувство графини Ламберт к Тургеневу могло развиваться в таком направлении и характере, который заставил бы ее в силу нравственных понятий и убеждений отойти от него, представлялось Гревсу самым невероятным.

Несмотря на безуспешные попытки опубликовать очерк в 1928 году, Гревс активно продолжил свои разыскания в области «ламбертоведения». Особый импульс они получили после того, как из описания Андре Мазона стало известно, что в архиве семьи Виардо сохранились ответные письма графини Ламберт к Тургеневу.²⁴ Предположительно уже в 1931 году Гревс завершил новый, полностью переработанный вариант очерка (главы), в несколько раз превышающий первоначальный. Он получил заглавие: «Графиня Елизавета Егоровна Ламберт (Чистая дружба)».²⁵ Проставленная в черновой рукописи цифра «IV» свидетельствует со всей очевидностью о том, что очерк должен был стать частью общего исследования «Женские образы в жизни Тургенева».

Помимо черновой и беловой рукописей, в архиве сохранились обширные подготовительные материалы, которые не только позволяют восстановить ход работы Гревса и очертить круг использованных им источников, но и выявить сведения, не нашедшие отражения в окончательном варианте текста.

Работа по собиранию материала велась Гревсом в нескольких направлениях. Прежде всего он занялся изучением мемуарной литературы, собирая по крупницам данные для воссоздания портрета графини Ламберт.²⁶ Собираению «сведений о родителях, о традициях и настроениях семей, откуда выходили тургеневские женщины-друзья», Гревс придавал первостепенное значение. Он полагал, «что это много может объяснить в их личных свойствах, как в силу наследственных задатков, образующих фамильные черты, так и благодаря прижизненным влияниям, исходящим из отчего дома, круга родных и общества друзей». И здесь настоящим открытием стала книга, изданная в 1902 году в Берлине племянницей графини Ламберт Еленой фон Таубе: «Graf Alexander Keyserling; ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern». Этот важнейший источник остался неизвестен тургеневодам.

Происходивший из русско-балтийских немцев, граф Александр Андреевич Кейзерлинг (1815—1891) — выдающийся ученый-геолог, палеонтолог, путешественник и общественный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1858), ее почетный член (1887), был женат на старшей сестре Елизаветы Егоровны — Зинаиде (свадьба состоялась в 1844 году) и хорошо знал саму графиню Ламберт. Письма и воспоминания А. А. Кейзерлинга, собранные и опубликованные его дочерью, содержат много любопытных деталей о семейном быте Канкриных, Ламбертов и их родственников. В частности, они воссоздают историю замужества

²⁴ См.: *Mazon*. P. 108, где под номером 109. М. 38 значатся 52 письма графини Ламберт к Тургеневу, относится, согласно помете А. Мазона, преимущественно к началу 1860-х гг. Очевидно, следует считать опечаткой вторую крайнюю дату, которую называет Мазон: «Большинство из этих 52 писем относятся к началу шестидесятых годов (1860—1882)». По-видимому, вместо «1882» следует читать: «1862». Отчасти это предположение находит подтверждение в публикации самих писем, осуществленной Анри Гранжаром через 30 лет после выхода описания Мазона, когда письма гр. Ламберт были переданы в Bibliothèque Nationale (Париж). Опубликованные А. Гранжаром 50 писем Елизаветы Егоровны к Тургеневу охватывают период с 1859 по 1862 гг. Еще три письма, относящиеся к 1856—1863 гг., хранятся в ИРЛИ (см.: Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу / Публ. В. А. Лукиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год / Отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб., 2006. С. 145—157).

²⁵ ДФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. № 240. 153 л. (черновой и беловой автографы).

²⁶ Сохранившиеся в архиве подготовительные заметки И. М. Гревса к очерку о графине Ламберт содержат обширнейшую библиографию о ней и ее семье.

Елизаветы Егоровны, проясняют причины охлаждения в отношениях с мужем И. К. Ламбертом, а также проливают свет на трагические обстоятельства ее смерти.

Помимо собирания биографических данных о самой графине Ламберт, Гревс вел неотступные поиски оставшейся неизвестной части переписки. Следует отметить, что его интересовали как письма самой графини Ламберт, так и письма Ивана Сергеевича, поскольку он предполагал, что не все тургеневские письма были переданы А. Д. Свербеевым в Румянцевский музей или же не все из переданных были напечатаны.

Первым шагом в поисках заветных писем стало обращение Гревса к потомкам А. Д. Свербеева с просьбой прояснить историю передачи ему графиней Ламберт писем Тургенева. Действенную помощь в этом Гревсу оказал его близкий друг — Дмитрий Иванович Шаховской, бывший к тому же товарищем по I курсу историко-филологического факультета Московского университета сына А. Д. Свербеева — Дмитрия. Из сохранившейся переписки Гревса с Д. И. Шаховским, относящейся к весне 1931 года, следует, что письма, переданные графиней Ламберт А. Д. Свербееву, проходили через руки Николая Владимировича Голицына (1874—1942), филолога, историка-архивиста, женатого на племяннице Свербеева — Марии Дмитриевне Свербеевой. Н. В. Голицын длительное время работал с бумагами из архива А. Д. Свербеева.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся материалы к сборнику, посвященному памяти А. Д. Свербеева, который был подготовлен Голицыным к печати для книгоиздательства «Огни» в 1918 году.²⁷ Ему же А. Д. Свербеев хотел поручить опубликование писем Тургенева к Е. Е. Ламберт.²⁸ Однако, по словам Шаховского, Г. П. Георгиевский «супредел» Голицына в этом намерении.²⁹ Тем не менее очевидно, что содержание писем Тургенева было известно Голицыну до того, как они появились в печати. Более того, из письма Шаховского следует, что помимо писем Тургенева к Ламберт в бумагах Свербеева были и копии ее писем к нему.³⁰

В распоряжении Н. В. Голицына оказались также два фотопортрета графини Ламберт, один из которых он передал в Румянцевский музей, другой же оставался у него.³¹ По всей видимости, именно Голицын подтвердил предположение Гревса о том, что не все письма Тургенева к Ламберт были переданы в Румянцевский музей. Однако дальнейшие поиски их ни к чему не привели. Как бы то ни было, можно с уверенностью предположить, что к Гревсу машинописная копия писем Е. Е. Ламберт к Тургеневу, хранившихся в архиве Виардо, попала через А. Мазона.³²

²⁷ См.: *РО ИРЛИ*. Ф. 598. Оп. 1. № 891. Сборник включает обширную переписку с братьями А. И. и Н. И. Тургеневыми, П. А. Вяземским, Ю. Ф. Самариным, И. С. Аксаковым и многими другими.

²⁸ Упоминание о существовании письма с выражением этого пожелания сохранилось в архиве Гревса, само же письмо, по-видимому, утрачено (см.: *ЛФА РАН*. Ф. 726. Оп. 1. № 240. Л. 131).

²⁹ Там же.

³⁰ Происхождение и судьба этих копий не вполне ясны. Напрашивающееся предположение о том, что здесь могли подразумеваться копии писем из парижского архива Тургенева, представляется весьма маловероятным. Возможно, речь шла о «недостающих» в парижском собрании письмах, часть из которых была, как известно, возвращена графине (опасавшейся разглашения их содержания) самим писателем.

³¹ Очевидно, именно эта фотография хранится ныне в Литературном музее *ИРЛИ*. Копия ее была послана А. Гранжару Л. Н. Назаровой и опубликована в его книге.

³² Это предположение подтверждается тем, что при сличении текста хранящихся в архиве Гревса машинописных копий с публикацией А. Гранжара выяснилось, что они полностью совпадают. С Андре Мазоном Гревс был знаком и встречался с ним в Петербурге. «Ты все копишь знания, не ходя в *настоящие* поиски. Ты еще не изыскатель, только случайно выходишь из своей скорлупы — то в Пушкинский Дом, то в архив Мазо-

После того как появилось описание парижского архива Тургенева, Гревс приложил немало усилий к тому, чтобы весь архив и в том числе письма графини Ламберт были приобретены у наследников и переданы в Россию. Для этого он даже пытался обратиться через Л. Б. Каменева к В. Д. Бонч-Бруевичу, но усилия его не увенчались успехом.³³ Ознакомившись с текстами писем в копиях, Гревс не нашел прямого ответа на столь волновавший его вопрос о причине прекращения переписки между графиней Ламберт и Тургеневым. Содержание этих писем, по его наблюдению, в целом подтверждало ту картину дружбы, которая складывалась из писем Тургенева, и свидетельствовало скорее в пользу первого предположения, высказанного им еще в 1928 году.

Среди поступивших в распоряжение Гревса писем Е. Е. Ламберт оказалось одно письмо, помеченное 1876 годом, которое сводило на нет все его предшествовавшие построения. Не имея возможности привести текст самого письма, судя по всему, по просьбе владельца, Гревс дал только его описание: «...указанное единичное письмо, написанное графиней Ламберт *девять лет* после самых поздних напечатанных и датированных писем к ней, <...> письмо — не носит характера крупного акта *возобновления* надолго прерванных отношений, а звучит просто, как одно из очередных экземпляров переписки, и одушевлено оно таким же дружеским тоном, как и все письма Тургенева». Действительно, среди копий писем Ламберт к Тургеневу в архиве Гревса есть письмо, датированное 17 октября 1876 года. Однако радость открытия продолжения переписки Тургенева с гр. Ламберт оказалась преждевременной. Несмотря на то, что в копии письма отсутствуют конец и подпись, по адресу и другим данным, можно точно установить, что оно принадлежит не графине Ламберт, а баронессе Юлии Петровне Вревской.³⁴ Таким образом, тайна, рас-

на...», — писал Д. И. Шаховской Гревсу 20 января 1931 г. (*ПФА РАН*. Ф. 726. Оп. 2. № 334. Л. 447). Копии писем гр. Ламберт к Тургеневу хранятся в архиве Гревса вместе с рукописью очерка о ней 1928 г.: Там же. Оп. 1. № 239. Л. 31а—119.

³³ Об этом красноречиво свидетельствует письмо Д. И. Шаховского к Гревсу от 14 октября 1929 г.: «Очень досадна история с письмами Ламберт. Конечно, с точки зрения общей и литературной этики, они должны были бы поступить в твое распоряжение и этим бы обеспечивалось должное их использование. Но что же делать? Нет у нас атмосферы, обеспечивающей господство добрых нравов. С этим приходится мириться: надеюсь, что ты все-таки воспользуешься возможностью познакомиться с письмами хотя бы для собственного своего осведомления» (Там же. Л. 299 об.—300).

³⁴ Письмо Ю. П. Вревской, датированное 17 (29) октября 1876 г., ныне хранится в Bibliothèque Nationale (Париж), копия его была предоставлена А. Гранжаром Л. Н. Назаровой. Выдержку из письма см.: *ПССиП(1). Письма*. Т. 11. С. 649; *Летопись (1875—1883)*. С. 66. Приведем сохранившийся в архиве Гревса фрагмент письма, ранее известного лишь в небольших выдержках:

Литейная № 26.

17 октября 76.

Дорогой и милый Иван Сергеевич,

Я недоумевала, как исполнить Ваше поручение относительно Топорова (не знала его имени ни адреса), как он вдруг предстал передо мной и тем вывел меня из затруднения; теперь Вы, вероятно, давно уже знаете, что он жив и здоров, об служебных его желаниях также сообщено кому следует.

Я мало надеюсь на прибытие Ваше в январе, *ce qui est remis est perdu!* (что отложено — то пропало! — *франц.*) —

Одно утешение — это прибытие Вашего детища — дай Бог ему удачи счастья на родине. —

Вы говорите, нежности мало; если под этим подразумеваете — любви мало, то действительно его жалко, тепло и свет вернее всего проникают в сердца людей этим путем —

крыть которую так стремился И. М. Гревс, так и остается неразгаданной, а в истории дружбы И. С. Тургенева и Е. Е. Ламберт по-прежнему не поставлена последняя точка.

Настоящая работа публикуется впервые по автографу, хранящемуся в *ПФА РАН*. Ф. 726. Оп. 1. № 240. Л. 1—75.

Все цитаты из писем Тургенева приводятся в соответствии с тем, как они опубликованы в *ПССУП(2)*. Неточности, ошибки и пропуски, допущенные И. М. Гревсом в цитируемых текстах, исправляются без оговорок. В автографе даты писем Тургенева приводятся Гревсом как по старому, так и по новому стилю, в зависимости от того, как они были воспроизведены в публикации Г. П. Георгиевского. Для удобства в тех случаях, когда письмо поддается датировке, в настоящей публикации приводятся обе даты. Библиографические ссылки приведены в соответствие с современными нормами. Сокращения имен, а также названий месяцев раскрываются без оговорок. Все остальные редакционные дополнения и исправления приводятся в угловых скобках.

Очерк публикуется с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации, однако некоторые характерные особенности авторского написания сохранены. Курсивом выделяются слова, подчеркнутые И. М. Гревсом.

1

Тургенев ехал за границу летом 1856 года с большим волнением: что-то будет? Шесть лет не виделся он с Полиною Виардо; любовь его выдержала разлуку, преодолела время и забвение, оказалась сильнее других чувств, вспыхивавших в его сердце, как мимолетные огни, и да-

женское неразумное, может быть, суждение, но никогда я не чувствовала этого глубже, как в эту минуту. Так или иначе верно одно: все, что от Вас может быть, только на благо всякому алчущему или жаждущему *даже нежности*. — Сегодня выпал первый снег, до сих пор было сухо и почти тепло. — Воинственные слухи долетают до нас все явственнее и ближе; решительная минута наступила. Я ужасно верю в живучесть Славянского вопроса, — все предтечи, кончая Самариным, миновали — когда же явится великий Свершитель? Не Черняеву же входить в Св. Софию — для этого нужны чистые и не мелко честолюбивые души. — Жалко мне бедного Раевского, я видала его часто в Крыму, он был оригинальный и странный человек, и многие потянулись его добром. <...>

Необходимо отметить, что, помимо письма Ю. П. Вревской, среди копий 52 писем, попавших в руки Гревса, имеется и копия рекомендательного письма А. П. Бородина к Тургеневу от 16 (28) октября 1877 г. для А. Н. Луканиной (опубликовано по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, Е. М. Хмелевской: Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1953. Вып. 4. С. 392—396). Совпадение количества писем в описании А. Мазона и архиве Гревса (52) служит еще одним доводом в пользу того, что копии были получены через французского слависта. О том, что в парижском архиве изначально хранилось лишь 50 писем Е. Е. Ламберт к Тургеневу свидетельствует и публикация А. Гранжара. В небольшом очерке «Ivan Tourguénev et madame Lambert», предворяющем публикацию переписки, Гранжар дал довольно подробное описание писем гр. Ламберт, какими он их нашел в Славянском фонде Национальной библиотеки в Париже (Dossier 81. F. 137—249): «По результатам ознакомления, единица содержит *пятьдесят* писем или записок, которые охватывают время от начала 1859 до 16/28 октября 1862» (*Granjard*. P. 9. Выделено мною. — *В. Л.*). Никаких пояснений по поводу «недостающих» двух писем, по сравнению с описанием Мазона, в книге Гранжара нет.

же более сильные привязанности. Но как встретит его она? Захочет ли принять вновь его любовь, чем ответит ему на нее? Его — западника — влекли в европейские страны и другие интересы, призывала самая культура, к которой он пристрастился в сороковые годы; но он и сам не обманывал себя, и мы не будем скрывать, что образ Полины был главным магнитом, неудержимо притягивавшим его в Париж и «милый Куртавнель», замок Виардо, где он провел в первые годы их сближения столько блаженных часов и дней, полных очарования.

Он не мог ясно предвидеть, какие трудные годы ему предстоят, какие большие страдания готовит ему роковое чувство, какой жестокий перелом душевного мира выпадет ему на долю совершить и пережить.* но, выезжая из России, он увозил в своем сердце образ нового друга, который будет ему крепким утешением в хождении души по мытарствам не только в горе любви, но и в развивающемся пессимизме, и в столкновениях с родиной,¹ и <v> мировой тоске. Он уже предчувствовал, какое встретит участие в своих сердечных нуждах в выдающейся женщине, счастливо встретившейся ему тогда в России на жизненном пути. То была графиня *Елизавета Егоровна Ламберт*.

Иван Сергеевич познакомился с нею зимою 1855—1856 года в Петербурге,² где он проводил зимние месяцы с тех пор, как освободился от принудительного житья в Спасском (т. е. с 1853—1854 года).** В эту зиму он усиленно хлопотал о разрешении ему выехать за границу; разрешение было получено летом 1856 года, и гр. Е. Е. Ламберт своими связями оказала содействие благополучному исходу ходатайства: новое царствование и окончание Крымской войны облегчили выезды русских на Запад.

В первом письме к ней, 9/21 мая 1856 года из Спасского в Ревель,³ около которого она проводила лето, Иван Сергеевич пишет ей: «Прежде всего мне хочется поблагодарить Вас от души за участие, которое Вы мне оказывали. <...> я умею и люблю быть благодарным».⁴ Все письмо тоном и содержанием показывает, что они быстро сблизились и, вероятно, часто виделись в Петербурге эту зиму. Оно носит дружеский и непринужденный характер. Тургенев прямо говорит: «Мне очень жалко, что я так поздно с Вами познакомился»*** несмотря на различие наших мнений, между нами есть, если не ошибаюсь — симпатия чувств и ощущений — а эта связь прочнее связи, основанной на тождестве мнений. Но прошедшего не переделаешь — остается, насколько хватает умения, пользоваться настоящим».⁵ Здесь дается оценка слагающихся отношений: симпатия при разногласиях и убеждение,

* См. в книге моей: История одной любви. И. С. Тургенев и Полина Виардо. М., 1928. Изд. 2-е, переработ. и дополн. 369 с., главы 6-ю и 7-ю. — Здесь и далее все ссылки даются по этому изданию (*Примеч. ред.*).

** См.: *Гутьяр Н. М.* Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1910. Т. 87. № 2. С. 23.

*** Ему шел тридцать восьмой год.

что так гораздо важнее для дружбы, и сожаление, что они не узнали друг друга раньше. Стало быть, не мало было уже переговорено, и создалась объединяющая их эмоциональная атмосфера.

Он хочет описать новой приятельнице свою обстановку: «Спаским называется моя деревня. Она находится в Орловской губернии, в 9 верстах от города Мценска. Она не очень красива, — но в ней есть сад, в котором я провел большую часть своего детства. <...> Здесь живет мой дядя, добрый и простой человек, который управляет моим имением. У него жена — и сестра жены живет вместе с ними. Люди тихие и незастойливые, с ними легко, и я все-таки не совершенно один».⁶ Как будто он уже мечтает пригласить графиню навестить его, только не решается.

Ему известен ее образ жизни. «Вы мне говорили, что Вы теперь уже почти ничего не читаете. Возьмитесь за Пушкина в течение лета — я тоже буду его читать, и мы можем говорить о нем». Рекомендует своего любимого поэта, желает создать хороший элемент заочного общения между ними обоими. «Извините, я Вас еще мало знаю, — но мне кажется, что Вы с намерением, может быть из христианского смирения — стараетесь себя суживать».⁷ И религиозные ее настроения с оттенком аскетического самоограничения ему известны.

Они уже условились, что будут переписываться и без хитрости делиться приходящими мыслями. «Это письмо идет скачками — à bâtons rompus,^a как говорят французы, но Вы сами этого требовали, то есть Вы требовали — чтобы я писал Вам, что мне придет в голову <...>. С нетерпением буду ожидать Вашего ответа... Кстати, какие у Вас добрые и милые глаза! Это „кстати“, может быть, очень не кстати. Вы извините меня, если я в этом случае не должен был написать то, что я подумал».⁸

Но интереснее всего вот какие строки этого же первого письма. «С тех пор как я здесь, мной овладела внутренняя тревога... Знаю я это чувство! Ах, графиня, какая глупая вещь — потребность счастья — когда уже веры в счастье нет! Однако я надеюсь, всё это утомонится — и я снова, хотя не вполне, приобрету то особенного рода спокойствие, исполненное внутреннего внимания и тихого движения, которое необходимо писателю — вообще художнику».⁹ Вот что замечательно: при первом же знакомстве сердце открылось у Тургенева перед гр. Ламберт. Между ними, очевидно, были разговоры, зачем он стремится за границу, и он сообщил ей, хоть намеком, о своей любви к П. Виардо; теперь же говорит о своей тревоге перед свиданием после долгой разлуки и о печальном взгляде своем на возможность для него счастья. Он почти никогда не говорил о своих отношениях к Виардо, особенно с русскими друзьями и знакомыми.

Первое письмо свидетельствует о быстро и дружно образовавшихся отношениях, которые лились друг к другу, как два душевных потока, побежавшие навстречу с обеих сторон.

^a урывками (франц.).

Кто такая была графиня Елизавета Егоровна Ламберт? Она была дочерью графа Егора Францевича *Канкрин*, известного государственно-го деятеля во времена Николая I, одного из самых умных и дельных, добросовестных и прогрессивных министров тяжелого царствования, который управлял финансами долгий ряд лет (1823—1844). Канкрин был немец, родом из Ганау (в Гессене); он учился в гессенском и марбургском университетах. Он приехал в Россию, где уж подвизался на службе его отец, в 1797 году двадцатитрехлетним человеком искать карьеры, которая и сложилась блестяще. В России протекла вся остальная его жизнь до отставки, вслед за которой скоро последовала смерть (1845). Он был не только крупным государственным деятелем, но и ученым-экономистом, и человеком серьезным и принципиальным, конечно, не без предрассудков, связанных с его временем и сословными взглядами и привычками.

Женат был гр. Канкрин на Екатерине Захариевне *Муравьевой*, приходившейся троюродною сестрою декабристам Сергею (казненному) и Матвею (сосланному в каторгу). * Родной брат ее Артамон Захариевич также был причастен к заговору 14 декабря. Семья Елизаветы Егоровны была богатая и многочисленная: у нее было четыре брата и сестра Зинаида.

Трудно сказать конкретно и в подробностях, какими влияниями окружена была с детства молодая графиня. Отец, перегруженный ответственной работой член правительства по важной отрасли высшего управления, должно быть, мало участвовал в воспитании детей, но, в силу самого склада его характера, в доме должны были царить при комфортабельной обстановке, соответствующей состоянию и сану, спокойные нравы, сдержанный строй и порядок, благоприличная скромность и благочестивая религиозность. Мать Елизаветы Егоровны была, как кажется, женщина веселая и добрая, по-видимому, чуждая чопорности.

Конечно, многое в направлении жизни семьи определялось придворными отношениями и аристократическими связями. Дом Канкриных стоял довольно близко ко двору наследника престола, Александра Николаевича, ** и к великой княгине Елене Павловне, самой выдающейся по уму и образованию и по прогрессивному направлению личности среди особ царской фамилии. Насколько захвачена была сама графиня Екатерина Захариевна «декабристским духом», который воодушевлял многих из семьи Муравьевых, мы не знаем, но можно предполагать, что в доме Канкриных господствовало скорее либеральное, гуманное настроение.¹⁰

* См. генеалогическую таблицу Муравьевых у *А. А. Корнилова*: Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. М., 1915. С. 686 (Приложение I).

** Е. Ф. Канкрин входил в состав преподавателей, обучавших его в юности. Гораздо позже (в 1880 году) был напечатан курс его лекций — «Краткое обозрение российских финансов. 1838 г.» (СПб., 1880. 161 с.).

Е. Е. Ламберт. 1880-е гг.

Когда родилась Елизавета Егоровна, точных данных мне найти не удалось, но, по всей вероятности, время ее рождения падало на один из первых годов после 1820-го, так что она не на много лет была моложе Тургенева (года на три-четыре)*. ¹¹ Какова была ее духовная фигура, выяснится из самого характера их отношений.

В январе 1843 года она вышла замуж — может быть, «была выдана» по обычаям того времени и у крестьян, и у купцов, и у аристократии, — но без сопротивления с ее стороны, за графа Иосифа Карловича Ламберта. Он принадлежал к роду французских выходцев. «Ламберы» упоминаются в летописях среди рыцарских фамилий Франции уже в XIII веке; монархия пожаловала им высокие титулы, революция вытеснила их из старой родины («la douce France»^a). Граф-маркиз Joseph Henri Lambert бежал в Россию и поступил на русскую военную¹³ службу. Он умер в 1808 году. Сын его, именовавшийся уже по-русски «Карлом Осиповичем» (1773—1843), участвовал в войнах России против Наполеона, он дослужился до высших генеральских чинов и был назначен сенатором.

У него было два сына — *Карл* и *Иосиф*. Они пошли, как и отец, по военной карьере и тоже выслужились до высших чинов. Карл в 1861 году был назначен наместником Царства Польского, но там в очень опасный момент брожения не сумел справиться с трудными обязанностями, должен был покинуть пост и вообще выйти в отставку. Он умер в 1865 году. Иосиф, окончивший курс Ришельевского Лицея в Одессе,¹⁴ участвовал, уже женатый на молодой графине Канкриной, в Венгерской кампании 1848 года,¹⁵ откуда вернулся полковником. Он продолжал службу

* Тургенев в одном письме прямо заявляет: «...Вы моложе меня» (*Георгиевский*. С. 36. Письмо 16).¹²

^a «милый Франции» (*франц.*).

в Петербурге в придворно-военных званиях, закончил ее генерал-адъютантом. После его смерти (1879) род его пресекался.

Сведения о родителях, о традициях и настроениях семей, откуда выходили тургеневские женщины-друзья, я стараюсь собрать, где и когда возможно, потому что это много может объяснить в их личных свойствах, как в силу наследственных задатков, образующих фамильные черты, так и благодаря прижизненным влияниям, исходящим из отчего дома, круга родных и общества друзей.¹⁶ Сам Тургенев придавал большое значение такому воздействию крови и преданий на сложение индивидуальности и потому в своих произведениях любил говорить о предках героев и героинь: особенно это заметно в начертанной им подробной родословной Федора Лаврецкого в «Дворянском гнезде». Критика считала такие повторяющиеся ретроспективные биографии поколений композиционным недостатком автора (почти рутинным приемом); на деле же то было воплощение его психологических взглядов, в которых было, возможно, нечто преувеличенное, но было и верное, и важное; это открывает природу персонажей Тургенева, объясняет и его душу.*

Свадьба «графинюшки» Елизаветы Егоровны была отпразднована в Петербурге 28 января 1843 года. Тихо, в кругу семьи — таков был обычай в доме Канкриных, — по православному и по католическому обряду; после венца молодые поселились в своем доме, красиво отделанном по заботе ее матери.** Зажили они сначала, как кажется, счастливо, вращаясь в том же высшем столичном обществе, но без показного блеска. Летом она часто ездила на морские купанья в Ревель или Гапсаль,¹⁹ либо в деревню, в Малороссию, где у Ламбертов были большие имения, часто бывала за границей. С Тургеневым Елизавета Егоровна познакомилась уже больше десяти лет после замужества, когда ей было немного за тридцать и она была матерью единственного сына, к которому была горячо привязана, особенно после потери младшего, умершего в младенчестве.

Зять ее, граф Кейзерлинг, женатый на ее сестре, был с нею в тесной,²⁰ как он говорит, братской дружбе; он постоянно отзывается с искреннею похвалою об ее живом уме, возвышенных понятиях и превосходных качествах сердца; несколько раз подчеркивает, какое большое наслаждение и благо почерпал он в общении с нею — «meine theuerste

* Смысл этой генеалогии прекрасно раскрыт в блестящей речи В. О. Ключевского «Евгений Онегин и его предки» — помещено сначала в «Русской мысли» (1887. Кн. 2. С. 291—292, 301—306), потом в сборнике: *Ключевский В. О.* Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913. С. 67—89.¹⁷ Ср. интересный этюд *Иванова-Разумника* в 3-м томе «Сочинений Пушкина» (изд. Брокгауз-Ефрон).¹⁸

** О семейном быте Канкриных, Ламбертов и их родичей много сообщает в своих письмах и воспоминаниях гр. *Александр Кейзерлинг*, ученый геолог, служивший в ведомстве народного просвещения, происходивший из русско-балтийских немцев, который женился на сестре Е. Е. Ламберт в 1844 году. См. книгу, составленную его дочерью *Helene v. Taube: Graf Alexander Keyserling; ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern.* 2 Bde. Berlin: G. Reimer, 1902. — Далее ссылки на это издание: *Taube*, с указанием номера тома и страницы (*Примеч. ред.*).

Schwägerin, Lise Lambert».^а Указываю на это в подтверждение другими устами того, чем будут полны письма Тургенева к ней.*

Перед своею смертью она передала письма Тургенева, тщательно ею сохраненные, Александру Дмитриевичу Свербееву, а последний пожертвовал подлинники в запечатанном пакете в 1889 году в Московский Румянцевский музей²¹ с условием, чтобы они оставались неприкосновенны двадцать лет. Впоследствии срок был продлен еще на пять лет, и лишь в сентябре 1914 года получилось право их напечатать. Они изданы были Музеем в Москве в 1915 году под заглавием *«Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт»*, с предисловием и примечаниями Г. П. Георгиевского. Вся коллекция состоит из 115 писем и записок; те из них, какие датированы, располагаются между 9/21 мая 1856 и 29 апреля / 11 мая 1867 года. Вся серия представляет изумительный коллективный документ огромного биографического значения и высокой психологической и художественной ценности. Они до сих пор использованы тургенедами далеко не достаточно ни для восстановления хронологической канвы жизни Тургенева, ни для уразумения ее содержания, ни для истории его творчества и даже стиля, развития его души и мирозерцания. Для некоторых сторон биографии Ивана Сергеевича письма его к гр. Ламберт являются даже почти единственным источником.

В частности, при разрешении задачи предпринятого здесь труда они являют собою незаменимый материал; они изумительным образом не только знакомят с ним самим в перипетиях и переживаниях его душевных состояний, в эволюции его существования, но и льют богатый и разносторонний свет на духовное лицо той, к кому обращены эти богатые мыслью и красками послания: в них многообразно отражаются образы двух людей. Остается пробел, понятно какой: не хватает писем самой корреспондентки Ивана Сергеевича. Если бы в наших руках находились и они, перед нами лежал бы великолепный диалог двух, хотя и несогласных в верованиях и многих взглядах, но внутренне созвучных в тайных интуициях духа и горячо любящих друг друга лиц. Это было бы просто чудесно, а теперь — горько и досадно: требуемые письма существуют, но находятся вне досягаемости: они составляют часть обширного парижско-буживальского архива Ивана Сергеевича и являются собственностью потомков Полины Виардо. Мы знаем это из описи архива, напечатанной профессором А. А. Мазоном.** В отделе этой

^а моя дорогая невестка, Лиза Ламберт» (нем.).

* Дочь Кейзерлинга выражается о ней также с большою симпатиею. Когда Кейзерлинги проводили в 1859 году лето в Гапсале, напротив них жили Ламберты, т. е. Елизавета Егоровна с детьми, и она говорит, что они, Кейзерлинги, «все более горячо привязывались к талантливой и доброй тете Лизе Ламберт». Она же сообщает про Е. Е. Ламберт, что та была превосходною рассказчицей. «Она как бы живописала словами яркие картины, казалось, что она прямо видит перед глазами и переживает всё, о чем рассказывает, и мы слушали ее, задерживая дыхание» (см. ее биографию отца: *Taube*. Bd 1. S. 410).

** *Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits* (в серии «Bibliothèque de l'Institut Français de Léningrad», t. 9). Paris, 1930. P. 108. Теперь (1931) книга вышла в русском переводе (изд. «Academia»)²²

книги, содержащем перечисление имеющейся там тургеневской переписки, читаем: «Письма графини Ламберт; 52 письма и записки на бумаге различного формата». Мы должны их получить, или французы сами обязаны опубликовать их; нельзя держать под спудом такой материал скоро уже 50 лет! Это или равнодушие, или корысть, выжидание высоких цен за обнародование лакомых новинок. Но как было бы прекрасно, если бы переписка «Тургенев — Ламберт» появилась в полном виде, двусторонне у нас здесь без замедления. Взываем к «собственникам» (!) и к А. А. Мазону! Пока должны воспользоваться письмами Тургенева: главное, без сомнения, покоится в них, но нет того синтеза, который давался бы даже менее внутренне значительными ее ответами.

Письма Тургенева — превосходный specimen^a эпистолярного жанра. Это — неповторимый образец самопроизвольно вылившейся красоты при полной непосредственности отношения писавшего к их тексту, без заранее обдуманной обработки и украшения, с неподдельной искренностью и тем не менее с покоряющей выразительностью. Если *письма к Полине Виардо* по особым причинам занимают первое место в ряду многочисленных серий писем Тургенева,* то *письмам к гр. Ламберт* принадлежит, бесспорно, второе в ряду таких замечательных собраний, как те, которые адресованы Герцену, Анненкову, Аксаковым, Полонскому, баронессе Вревской, Савиной и еще другим.

В письмах к Е. Е. Ламберт развертывается весь ход жизни Тургенева за указанные одиннадцать лет (1856—1867), раскрывается все содержание его духовной личности.** Это убедительно сказывается в богатстве и полноте затрагиваемых вопросов и предметов, обнимающих и освещающих все стороны его существа и существования, великие и малые события, чрезвычайные, крупные и мелкие факты, исключительные случаи и повседневность. Это чувствуется в редкой для Тургенева откровенности и привлекательной свободе, которыми они блещут. Здесь чистосердечная летопись его переживаний, «исповедь» сомнений и горестей, признание ошибок и слабостей, дурных поступков, жалобы на гнет тоски, неудержимо потребное для него разделение с нею и пробуждавшихся надежд. Свойственная автору правдивость*** светится неподражаемой искренностью в обращении к сердцу, его полюбившему, мудрому и нежному, которому он открыл свое с непреложным доверием, так же входя в ее духовные интересы сорадованием и

^a образец (англ.).

* Несмотря на то, что мы не знаем их в полноте, целостности и неизменности, они все же отражают всю жизнь писавшего богаче, сильнее и глубже всех остальных.

** Говорю это уже в своей книге «История одной любви» (С. 280); здесь необходимо это снова сказать и развить.

*** Он сам с известною гордостью пишет Дружинину (30 октября / 11 ноября 1856): «Стремление к беспристрастию и к Истине всецелой есть одно из немногих добрых качеств, за которые я благодарен природе, давшей мне их».²³ Это природное свойство без особого труда победило прорывавшуюся в юности склонность к фразе.

состраданием, как он вводил ее в свои скорби и редкие радости. Он ей, одной из немногих, поведал тайну своей любви, поверял приливы и отливы своей сердечной драмы. Вчитываясь в эти письма, будто слушаешь звуки прекрасной музыки гармонически настроенных душ. Между ними, выше замечено, проявлялись разноречия, увидим, даже крупные, но они покрывались мягкой терпимостью и почитанием — ею его авторитета великого писателя, им — ее чуткого женского сознания, с ее стороны — настойчивыми усилиями привести его к своей правде, с его стороны — всегдашним желанием проверить себя ее совестью, внимать ей, хотя бы укоряющему, голосу. Над перепискою веет нравственною чистотою, она дышит ароматом вольного единения и многостороннего взаимодействия дружеской четы.

Полный анализ писем Тургенева к гр. Ламберт, чтобы восстановить в конечном счете синтетический образ их дружбы, их душевного мира, обращенного друг к другу, их двойной личности и тех психических и культурных сил, которые в ней сочетались, — составил бы предмет особого большого этюда. В многоликом комплексе индивидуальностей, которые окружают Тургенева в моем построении, образуя человеческую среду, в которой двигалась его жизнь, могу достигнуть только некоторого приближения. И вот, говоря об И. С. Тургеневе и Е. Е. Ламберт, хочу главным образом показать, какие его свойства особенно выяснены в нем дружбою с нею и как дух его воспринимает ее одушевление: они ведь рисуются нам в зеркале его понимания, выражаемого его словом, обращенным к ней.

2

Очень жаль, что у нас в руках как материал для изучения дружбы Е. Е. Ламберт и И. С. Тургенева имеются только его письма к ней и почти не имеется наблюдений со стороны: Кейзерлинг только кратко замечает, что она «была в дружбе с Тургеневым и переписывалась с ним».

Первое письмо, о котором шла речь выше, не было единичным выражением благодарности за участие; оно было началом долгого и редкого по характеру общения. За ним последовало в то же лето второе и третье; из них видно, что от нее получались ответы, располагавшие к дальнейшему обмену письмами. «...Чувствую, что не заслуживаю всех тех милых вещей, которыми оно (Ваше письмо. — *И. Г.*) исполнено, и знаю <...> — что человеческое сердце уж так устроено, что и незаслуженные похвалы доставляют ему тайную сладость — или по крайней мере удовольствие смирения... Это — всё опасные чувства, и лучше даже не говорить о них» (из того же Спасского, 10/22 июня 1856).²⁴

Из этого же письма выясняется самый характер чувства, зарождавшегося уже тогда как орган возникающего союза двух душ: «...будем, хотя изредка, меняться мыслями и ощущениями; <...> придет время, мы, бог даст, увидимся снова — и — смею надеяться — окончательно

станем друзьями. В жизни мужчины наступает — как и в жизни женщины — пора, когда более всего дорожишь отношениями тихими и прочными. Светлые осенние дни — самые прекрасные дни в году. Я надеюсь, что тогда мне удастся убедить Вас не бояться чтения Пушкина и других. Или вы еще страшитесь „тревоги“? Я не рассчитываю более на счастье для себя, т. е. на счастье в том опять-таки *тревожном* смысле, в котором оно принимается молодыми сердцами; нечего думать о цветах, когда пора цветения прошла. Дай бог, чтобы плод по крайней мере был какой-нибудь — а эти напрасные порывания назад могут только мешать его созреванию. Должно учиться у природы ее правильному и спокойному ходу, ее смирению...».²⁵

Это — основоположные слова для начинающих отношений. Тут залагается их фундамент, слышится прелюд, раздается Leitmotiv.^a Ему будут верны оба в открывающемся дружеском действе; они согласно будут ковать в сердцах золотую цепь, которая свободно соединит их, а не будет принудительно связывать: она куется их собственными руками. Тургенев уехал за границу, вероятно, в августе того же года;* уезжая, он не скрыл от нового друга своей «тревоги ожидания», — ожидания скорее мрачного, чем светлой надежды на то, что произойдет там, в мире его любви. Может быть, оттого цеплялся он за вновь рождающуюся симпатию, в которой уже чуял опору.

Если наметить «динамику» содержания писем Тургенева к Е. Е. Ламберт, то можно сказать, что они, рассматриваемые в хронологическом порядке, свидетельствуют о постоянном нарастании чувства шири и вглубь по напряженности и качественному богатству и по видимой прочности; мы присутствуем при творчестве новой дружбы, не такой, которая ярко распускается и часто быстро блекнет в ранней юности, а какая спланивает души людей, уже испытанных жизнью, но имеющих впереди еще длинный путь, на котором потребуются взаимная помощь. Когда читаешь эти письма, кажется, что в них осуществляется идеалистическая мысль Шиллера —

O, du, die alle Wunden heilest,
Der Freundschaft zarte, liebe Hand.

(Все раны сердца нежно лечишь,
Ты, дружбы милая рука!).²⁷

Они писали друг другу много, не всегда равномерно, иногда с перерывами, но потом переписка возобновлялась в том же духе, без «надрыва». Крепость связи питалась этой перепиской: бывает, что сама переписка зарождает и насаждает сильные чувства;** но у них она

^a лейтмотив (нем.).

* См. примечание Г. П. Георгиевского к 3-му письму Тургенева (*Георгиевский*. С. 198—199).²⁶

** Тургенев пожелал показать это в одном из своих произведений, которое так и называется — «Переписка».

поддерживалась и частыми свиданиями. Тургенев, приезжая в Россию, прежде всего останавливался в Петербурге — и там всегда по несколько раз виделся с Е. Е. Ламберт; возвращался он из Спасского также через Петербург, и они тогда тоже часто встречались; виделись они и за границей, куда часто ездили Ламберты, — в каком-нибудь лечебном месте западной Германии — Эмсе, Содене, также в Париже.

Когда им удавалось быть вместе, они вели долгие интимные беседы, в которых отражалась и вновь перерабатывалась вся внутренняя жизнь обоих. Главным местом их единения был небольшой деревянный особняк Ламбертов на Фурштатской,²⁸ должно быть, в дальних частях ее близ Таврического сада, и в нем уютный маленький зеленый кабинет Елизаветы Егоровны наверху. Он часто фигурирует в письмах Ивана Сергеевича. «Я мало знаю мест на свете, где бы мне было так хорошо, как в вашей комнатке — с мыслью о ней связано много воспоминаний о тихих вечерах и хороших разговорах, а помните, как Вы плакали однажды? Я напоминаю это Вам вовсе не для того, чтобы потрунить над Вами, что ли, — нет, сохрани бог; не слезы Ваши меня трогали, а то, что Вы могли и не стыдились плакать» (30 апреля / 12 мая 1859).²⁹ Он признается, что вечера, проведенные в этой комнате, оставили «лучшие воспоминания, вынесенные из петербургской жизни».³⁰ Он даже говорит: «...у меня только одно место здесь в Петербурге — Ваша комнатка <...>» (1860).³¹ Они оба там «помогали своим недугам» (23 июля / 4 августа 1859).³² Ему хочется «как можно скорей очутиться на Фурштатской, сидеть на кресле возле ее (у Тургенева: Вашего. — В. Л.) дивана» (1/13 февраля 1860),³³ «тепло и уютно», разумеется, не только в физическом смысле. Он «кланяется домику»,³⁴ очень огорчен, когда узнал, что по каким-то семейным соображениям его пришлось продать; ему тяжело, потому что «он не может связать теперь с мыслью о ней никакого гнезда» (6/18 июля 1863).³⁵ Все эти слова дают конкретную картину их частых и продолжительных *tête à tête*,^a в которых развивалась их дружба.

В постоянном общении с гр. Ламберт в такой благоприятной, свободной обстановке — муж ее, видимо, не стеснял их, очевидно, доверяя безопасности их отношений для его светской репутации; сердечно они, кажется, мало затрогивали его, и, может быть, ему даже льстила приятельская близость его жены с знаменитым писателем, — Иван Сергеевич отлично узнал ее в ее духовной природе. Красками Тургенева можно составить целую характеристику ее личности.

Это была, несомненно, выдающаяся женщина в ряду представительниц светского общества, к которому она принадлежала, и неудивительно, что такой знаток людей, как Тургенев, сумел ее разгадать, оценить и полюбить. Он ей самой говорит о ее свойствах, объясняя такую вольность тем, что ее нравственная строгость прежде всего к самой себе позволяет говорить о ней все прямо ей в глаза, не боясь ни вызвать

^a свиданий (франц.).

тщеславия, ни быть заподозренным в лести, ни причинить ей неловкости.

Из слов его ясно, что она была умна и добра, глубоко религиозна, обладала изящным образованием, большою твердостью в нравственных понятиях; она отличалась ригористическою строгостью и благородством и вместе с тем была свободна духом и любвеобильна сердцем, полна человеколюбия и живого сострадания к бедствиям ближних и дальних. Тургенев характеризует эти качества в горячо прочувствованных выражениях. «...Вы впечатлительны и молоды. Но <...> в то же время очень умны и проницательны <...>» (17/29 декабря 1860),³⁶ «...какое Вы еще молодое и неопытное существо! И за это я люблю Вас, за наивность сердца, так много страдавшего — и ума, так искушенного!» (28 ноября / 10 декабря 1860).³⁷ Здесь чутко подмечено индивидуальное своеобразие духовного типа: сохранение доверчивости, присущей молодости, вопреки опыту жизни, притом тяжелому. «...Я узнал <...> Вашу добрую душу и нежный и тонкий ум» (17/29 января 1863).³⁸ Он подчеркивает: «...я очень верю в Ваш критический и художественный инстинкт» (16/28 февраля 1860),³⁹ «...вкус Ваш почти безошибочен» (31 октября / 12 ноября 1860).⁴⁰ Особенно часто и любовно выдвигает он ее *доброту*. «Вы очень, очень добры (без шуток и без преувеличенья)» (11/23 мая 1860);⁴¹ оттого он прибегает к сравнению: «источник ключевой воды тем и дорог, что к нему каждый идет напиться» (29 апреля / 11 мая 1860).⁴² Он указывает на свойственную ей деятельную благодать: «Изо всех дверей, в которые я — плохой христианин, но следуя евангельскому правилу, толкался, Ваши двери открывались легче и чаще всех других. <...> Женский ум изобретателен в деле милосердия — а Ваш — подавно» (29 апреля / 11 мая 1867).⁴³ Известно, что Тургенев сам был добр и (может быть, того не сознавая) он выше всего ценил в человеке эту принадлежность: «Будь только человек добр, — говорит он в виде авторской декларации в „Дворянском гнезде“, — его никто отразить не может». ⁴⁴ В одном из писем Тургенев хочет в двух словах обобщить свое понятие о личности Елизаветы Егоровны. Он говорит: «Ваша душа правильная, но не спокойная» (1859). Это значит: существует гармония в ее сознании, потому что есть твердые духовные устои — оттого *правильная*;^{*} ⁴⁵ но жизнь не остановилась, полное равновесие не достигнуто, потому что душа все еще волнуется, рвется вперед к лучшему бытию — «zum höchsten Dasein», как говорит Гёте,⁴⁶ — оттого *неспокойная*. Это, должно быть, замечательно верно схваченный общий образ: он легко рисуется конкретно в воображении. Елизавета Егоровна и наружностью в юности была привлекательна. Кейзерлинг говорит, что некоторые неровности в чертах ее лица скрашивались прекрасными,

* Это находит отражение и в ее почерке, который Тургенев также находит «правильным».

глубокими, темными глазами. Она была высокого роста и обладала стройным, вполне развитым станом.

Естественно, что такая симпатичная индивидуальность должна была скоро притянуть сердце Тургенева, которому так потребна была доверенная женская душа. Все письма его дышат сочувствием, потом дружбою, наконец, братскою любовью: это чувствуется в самом их тоне, это постоянно находит и открытое выражение в теплых и трогательных, горячих и умиленных словах.

Интересно в этом смысле пересмотреть подписи ко всем его письмам: он не может сдержать своего нежного чувства, прощаясь с нею в их заключении. В конце концов он говорит: «...благодарю Вас еще раз за Ваши добрые слова — и жму Вам руку с чувством, близким к умилению» (17/29 января 1863).⁴⁷ Письма полны и активных разнообразных изъяслений любви. Они льются, как обильный, благодатный дождь.

Одно, относящееся к 1859 году, констатирует природу сложившегося чувства: «Мы хотя недавно знакомы, но уже много перечувствовали и передумали вместе и — я смею думать — привязались друг к другу не в силу наших надежд, а в силу воспоминаний и общих жизненных опытов; следовательно, нам можно отложить в сторону всякую суету и быть друг с другом такими, какими нас бог создал».⁴⁸ Т. е. можно отказаться от предрассудков большого света и не страшиться того, что в них вспыхнет специфическое, в одном мужское, в другом женское чувство — «влюбление»: у одного сердце занято «великою любовью», другая — верна семейной привязанности; они друг другу как брат и сестра. В таком смысле он и говорит (5/17 февраля 1860): «...я Вас люблю — и с этими тремя словами — я не боюсь никого, ни собственных наблюдений, ни чужих недоразумений, ни себя, ни Вас».⁴⁹

Нет надобности приводить все подобные места; но самое сильное указать необходимо, и оно относится уже к 1859 году (3/15 октября): «...я только два существа на свете люблю больше Вас: одно, потому что она моя дочь, — другое, потому... Вы знаете, почему».⁵⁰ Вторая была, конечно, Полина Виардо: с любовью Ивана Сергеевича к ней ничто не шло в сравнение. Он тут же иронизирует: «Вы скажете: вот вздумал удивить — третьим местом!».⁵¹ Но дочь свою он, по собственному признанию, любил больше из чувства долга. Так, Елизавете Егоровне принадлежало, собственно, первое место — первое среди друзей.*

Дружбу И. С. Тургенева и Е. Е. Ламберт можно твердо назвать *взаимною*. Уже в 1857 году (22 декабря / 3 января 1858) он пишет ей из Рима: «...не последним счастьем моей жизни считаю я расположение Ваше ко мне. Мне приятно думать, что и Вы убеждены в этом и что Вы сами знаете, как дороги и близки Вы мне стали. <...> Я чувствую Ваше

* В другом письме он и говорит прямо: «Я чувствую, что я более и более привязываюсь ко всему, что я полюбил в жизни — а ведь Вы у меня на первом плане» (9/21 июня 1862).⁵²

участие в моей судьбе и в моей будущности — и я горжусь, и счастлив, и тронут этим участием». ⁵³ Иван Сергеевич покоен в своих отношениях с Е. Е. Ламберт, потому что верит в идущий от нее созвучный ответный ток: «...Вы сами назвали себя моим *другом* и <...> я Вас *люблю*» ⁵⁴ (5/17 февраля 1860).*

Одним из имеющихся в наших руках указаний на такое ответное чувство с ее стороны является постоянно выражаемое им удовлетворение ее письмами: такие квалификации, как «милые», даже «слишком милые», «прелестные», «удивительные», «чудные», — повторяются беспрестанно. Раз даже Иван Сергеевич счастливо поражен, что получил от нее два письма, помеченные одним и тем же днем. ⁵⁶ Это его тронуло: значит, ее влечет к нему, он ей душевно нужен. Об одном из ее писем он высказывается так (23 июля / 4 августа 1859): «Как можно говорить человеку такие лестные вещи, и говорить их так умно и красиво — что он, хотя краснеет от незаслуженных похвал, не может не любоваться их выражением? Пожалуйста, не балуйте меня слишком, а то вы будете виноваты, если я стану тщеславным; кроме того, уверяю Вас, самые тонкие похвалы все-таки не стоят в моих глазах Вашей доброй дружбы и расположения, которыми я дорожу больше всего на свете и за которые я с нежной благодарностью сто раз сразу целую Ваши прекрасные руки». ⁵⁷ Е. Е. Ламберт, видимо, скучала без Ивана Сергеевича. В одном письме (17/29 декабря 1860) есть такие строки: «Вы, должно быть, сильно рассчитываете на мою скромность — когда писали следующие слова: „Мне казалось, что труднее будет прожить без Вас — слава богу, человек заменим!“». Еще бы! — Не только человек — но даже солнце, я полагаю, заменимо; даже без любви можно обойтись.** Но я очень польщен уже тем, что Вам подобное сомнение могло войти в голову». ⁵⁸ Конечно, ее слова обнаруживают, как недоставал ей Тургенев: она только придумала перевернутую форму признания, чтобы не открыться вполне и чтобы он не возгордился. Она иногда стеснялась, если писала ему, по ее привычным понятиям, слишком часто. Он огорчается этими колебаниями: «Зачем это Вы делаете себе упреки, что слишком часто мне пишете — неужели Вы не довольно меня знаете? Всякое Ваше письмо доставляет мне истинное наслаждение и перечитывается неоднократно» (22 июня, 8 июля / 4, 20 июля 1861). ⁵⁹

Тургенев верит в неизменность своей дружбы и постоянно исповедует ее. «...Я искренно и навсегда Вам привязан <...>» (6/18 августа 1861). ⁶⁰ Он утверждает даже: «...никто Вас не любит более, чем (у Тургенева — преданный Вам Ив. Тургенев. — В. Л.) я» (17/29 сентября 1861). ⁶¹ Он убежден в прочности их союза с обеих сторон: «Я знаю, что и в прошедшем, и в настоящем, и в будущем — Ваша дружба, и это ме-

* За несколько дней до этого (18 января, 1 февраля / 30 января, 13 февраля) он заканчивает письмо так: «Вы никогда не подписывались: Ваш друг; это слово меня очень обрадовало. А я подписываюсь: преданный Вам друг Ваш». ⁵⁵

** Характерное допущение в устах Тургенева, так «любившего любовь». Но сам он обойтись без нее не мог.

ня глубоко радуется» (19/31 мая 1861).⁶² Незыблемая надежда на дление этой дружбы в такой силе и напряжении до конца дней — почти обычный финальный аккорд в его письмах. Опора ее дружбы была для него элементом твердости на волнах моря житейского. Жизнь во многом обманула, и остается, — «отыскав товарища дорогого и милого как Вы, товарища по чувствам, по мыслям — и главное — по *положению* (мы оба с Вами уже немного ждем для себя), крепко держать его руку — и плыть вместе, пока...»,⁶³ т. е. пока не придет к кому-нибудь смерть (лето 1859).

Последние слова особенно знаменательны: Е. Е. Ламберт, по-видимому, не была счастлива в своей жизни, и это сближало их еще лишнею связью. Иван Сергеевич еще раз повторяет (21 сентября / 3 октября 1860): «...мы одного поля ягоды»⁶⁴ — «больше не ждем для себя ничего особенно радостного и жить нам нелегко». ⁶⁵ И они деятельно поддерживали друг друга «в минуты жизни трудные». ⁶⁶ «Жизнь — не что иное, как болезнь, которая то усиливается, то ослабевает: надобно уметь переносить ее припадки — и Вы в этом деле мастерица. Разница этой болезни от других состоит в том, что лучший для нее врач — другой больной, т. е. другой живущий, в особенности друг <...>». Тут он и прибавляет: «...мы часто в Вашей комнатке на Фурштатской помогали своим недугам»⁶⁷ (23 июля / 4 августа 1859).*

Дружба, которую мы изучаем, — настоящая дружба, именно *чис-тая*, без эгоизма, и без эротизма, основанная на особом *сродстве души*, трудно измеримом и определяемом, но реально выражавшемся в сложном сочетании многообразных психических тяготений, синхронизирующих друг другу основных потоков души.**

3

А. Из такого глубокого характера крепко выросшего союза их душ вытекала замечательная содержательность их общения и серьезное, принципиальное (не только горячо прочувствованное) отношение друг к другу.

Елизавете Егоровне должна была импонировать самая личность Тургенева: сила таланта великого писателя производила неодолимое обаяние и замечательный ум действовал, как авторитет. Но у нее не было к нему слепого поклонения и пассивного следования за его словами и мнениями. Она твердо отстаивала свои взгляды, что в нем только увеличивало почитание ее, несмотря на разногласия.

Прежде всего, сильно разделяли их вопросы религии. Она была горячо верующим человеком и не по типу светской обрядовой официаль-

* Он и еще высказывает ту же мысль в другом месте (31 октября / 12 ноября 1860) «Кажется, каким образом может помочь больной больному? А выходит на деле, что его помощь и ближе и вернее». ⁶⁸

** Тургенев любит это повторять: «Несмотря на всякие разногласия, мы близко стоим друг к другу» (22 августа / 3 сентября 1864). ⁶⁹

ной традиционности, а из внутренней потребности отыскания и нахождения смысла жизни. Если не полное неверие, то религиозный агностицизм друга — должен был волновать ее, и она, наверное, делала усилия «обратить его к Богу», на что надеялась у Тургенева в «Дворянском гнезде» Лиза Калитина по отношению к Лаврецкому.

Но она и в нравственной области находила в нем дефекты и тоже не молчала о них, не поддавалась застенчивости, естественной в женщине перед мужчиной с таким весом, как он. Она высказывалась, спорила, даже упрекала, боролась с тем, что видела в нем, по ее мнению, худого. Об этом часто идет речь в письмах.

Главный упрек, который гр. Ламберт выставляет против Тургенева, — это его будто бы чрезмерное пристрастие к земным благам — роскошной жизни, всякого рода наслаждениям, барство, сибаритство. «...Прочтя Ваше письмо, я и порадовался и опечалился, — пишет он 2/14 марта 1862 года, — и — грешный человек! — подумал: увы! для чего я не такой, каким меня воображает графиня — для чего я не человек, „преисполненный земной жизнью” и преданный ей! Это сожаление и грешно и странно — но я не могу от него избавиться — и если я еще не успел приникнуть мыслью к неземному, то земное *всё* давно ушло от меня — и я нахожусь в какой-то пустоте, туманной и тяжелой — и уже несколько не расположен отворачиваться от картин разрушения, черных покровов, горя и т. п.»⁷⁰ И он сообщает ей, как прозвала его Полина Виардо: «le plus triste des hommes» — самый печальный из людей. Но в том же письме он прибавляет: «...осуждение от Вас мне дороже, чем похвала от другого — потому что оно поучительно — и потому что я Вас люблю».⁷¹

Это не единичный случай, что гр. Ламберт предъявляет Тургеневу такое обвинение и огорчается его «эпикурейством»: она высказывает предположение, что и жизнь за границей привлекает его удобствами и развлечениями, она иногда будто готова сказать — праздною роскошью всемирной столицы или баденской виллы.* Это было в ней вроде большого места. Кейзерлинг рассказывает,** что она одно время, после замужества, сама увлекалась честолюбием и страстью к блеску, но скоро от этого освободилась, в ней победили высшие стремления. Оттого, может быть, она с болезненною подозрительностью ощущала в своем друге склонность к той же слабости и горела желанием видеть его избавившимся от беды.

Тургенев, привыкший к хорошо обеспеченной жизни, сам склонен был осуждать себя за это. Он пишет ей же в 1859 году: «...человек вообще слишком склонен разжалобиваться на собственный счет. Я сижу с наполненным желудком в теплой и накуренной комнате и хнычу... а сколько бедных... Мне стыдно даже договорить...».⁷³ Он борется с собой, считает, что должно принимать против себя меры обуздания:

* См., например, письмо от 27 апреля / 9 мая 1863; к нему еще придется вернуться. Ср. еще от 22 августа / 3 сентября 1864.⁷²

** *Taube*. Bd 2. P. 343.

«Я убедился, что всякий человек должен обращаться сам с собою строго и даже грубо, недоверчиво; трудно укротить зверя в себе» (27 марта / 8 апреля 1859).⁷⁴ Он и мог с собою справиться, в юности ему приходилось терпеть и нужду, благодаря своевольным капризам матери, которая за разногласия не раз лишала его средств существования (*couper les vivres!*^a), когда он не мог еще достаточно зарабатывать литературным трудом. Тургенев всегда высоко ставил труд и считал его всеобщим долгом: «...все, даже артисты, даже богатые, должны жить в поте лица... а у кого лицо не потеет, тем хуже для него: у него сердце либо бьется, либо засыхает» (27 марта / 8 апреля 1859).⁷⁵

Е. Е. Ламберт еще в одном подозревала его: представляла, что он победитель женских сердец (вероятно, когда наблюдала успех, достававшийся ему у дам высшего света); она думала, что это ему нравится; в письмах она корила его, называла «селадоном», «тигром», «сиреной», звала к «исправлению» (см., например, письма 16-е и 37-е).⁷⁶ Он мягко защищался. Но это вызывалось желанием видеть его совершенным в нравственной области, как высоким считала его в умственной. Так было почти с самого начала их знакомства: «...я часто вспоминал о Вас, о посещениях моих и о разговорах наших в Вашей маленькой комнатке наверху, когда Вы наставляли меня уму-разуму и поясняли мне все недостатки моего воспитания <...> Но у нас в России обыкновенно думают, что люди, попавшие за границу и особенно в Париж, живут в каком-то чаду, кружатся в каком-то вихре — и что всё прошедшее, всё русское выскакивает у них из головы, которая так и вертится от избытка удовольствий и ощущений» (13/25 марта 1857).⁷⁷ Она нападает на него, часто осыпает упреками, но ему с нею хорошо, он чувствует только любовь и благодарность.

Гр. Ламберт была очень откровенна с Тургеневым; он с нею, может быть, еще больше. Он поведал ей сокровеннейшие тайны своей души. Ни с кем из русских (кроме одного-двух) он никогда не говорил о своей любви к П. Виардо. Ей он исповедался в первую же зиму их знакомства, в один из первых вечеров в комнате на Фурштатской, которой хозяйка умела придать такой уют. Потом он сообщает ей намеками о всех колебаниях в их отношениях с знаменитой артисткой. Такие признания, мы видели, начинаются с первого же письма.

В 1856 году (10/22 июня) он говорит: «Лучше было бы для меня не ехать» за границу, но «на словах-то мы все мудрецы: а первая попавшаяся глупость пробежи мимо — так и бросишься за нею в погоню». ⁷⁸ Он ничего не пишет прямо о трудных годах кризиса любви в 1856 и 57-м;* но из Рима (3/15 ноября 1857) кратко сообщает: «была также и причина, почему я так скоро согласился» ехать в Италию с Боткиным: он искал утешения, уединения; он характеризует свое душев-

^a лишить куса хлеба! (*франц.*).

* Впрочем, летом 1857 говорит: «Да, графиня, я решил воротиться — и воротиться надолго; довольно я скитался и вел цыганскую жизнь». ⁷⁹ Она, конечно, поняла, что это означало, — что он страдает в своем самом сильном чувстве.

ное состояние: «В человеческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, в которых прошедшее умирает и зарождается нечто новое; горе тому, кто не умеет их чувствовать, — и либо упорно придерживается мертвого прошедшего, либо до времени хочет вызывать к жизни то, что еще не созрело. Часто я погрешал то нетерпением, то упрямством; хотелось бы мне теперь быть поумнее. Мне скоро сорок лет; не только первая и вторая, третья молодость прошла — и пора мне сделаться если не дельным человеком, то по крайней мере человеком, знающим, куда он идет и чего хочет достигнуть».⁸⁰

Конечно, главная причина этого перелома — именно пережитый кризис любви. Он в нем признается лишь в следующем письме из Рима (22 декабря 1857 / 3 января 1858): «Я знал перед моей поездкой за границу, перед этой поездкой, которая так была для меня несчастлива — что мне было бы лучше оставаться дома... и я все-таки поехал. Дело в том, что судьба нас всегда наказывает и так, и немножко не так, как мы ожидали, и это „немножко“ нам служит настоящим уроком. — Отдохнув в Риме, я вернусь в Россию сильно потрясенный и побитый, но надеюсь, по крайней мере, что на этот раз урок не пропадет даром».⁸¹

Е. Е. Ламберт отлично понимает эти намеки по предшествующим откровениям Тургенева. Но у него живет потребность верить ей все до конца. «На бумаге всё это трудно изложить, но я предчувствую, что когда-нибудь, нынешней зимой, у нас будет с Вами большой разговор, в котором я Вам многое выскажу и расскажу». Иван Сергеевич продолжает: «Вы, я наперед уверен, будете мне, как говорится, читать мораль; но из Ваших уст мораль эта слушается с удовольствием и пользой, потому что в ней чувствуется живая и, при всей строгости правил, свободная душа».⁸²

Последнее качество (внутренняя свобода) особенно характерно для Е. Е. Ламберт. Она вряд ли сочувствовала любви Ивана Сергеевича к Полине Виардо; но она любила его, и в ее сердце горело сострадание. Предполагавшийся разговор, наверное, состоялся в зеленом кабинете на Фурштатской. Она, вероятно, одобряла его положить предел прошлому, которое не обещало будущего; но не легко было расстаться с «женщиной небывалой». Да еще и ставился вопрос: необходимо ли это?

В 1859 году Тургенев пишет ей из замка Виардо Courtavenel в 50 километрах от Парижа: * «Я недавно возвратился из Виши, где с большим успехом пил воды. Здоровье мое хорошо; но душа моя грустна. Кругом меня правильная семейная жизнь... для чего я тут, и зачем, уже отходя прочь от всего мне дорогого, — зачем обращать взоры назад? Вы поймете легко, и что я хочу сказать, и мое положение.** Впрочем, тревоги во мне нет; говорят: человек несколько раз умирает перед своей смер-

* Это — важное место в биографии Тургенева — и в истории его любви, и в истории его творчества: здесь написаны были многие из отрывков «Записок охотника» и некоторые комедии.

** Этот большой разговор состоялся, наверное <?>. — Сноска не окончена (Примеч. ред.).

тью... Я знаю, что во мне умерло; для чего же стоять и глядеть на закрытый гроб? Не чувство во мне умерло; нет... но возможность его осуществления. Я гляжу на *свое* счастье — как я гляжу на *свою* молодость, на молодость и счастье другого; я здесь — а всё это там; и между этим *здесь* и этим *там* — бездна, которую не наполнит ничто и никогда в целую вечность. Остается одно: держаться пока на волнах жизни и думать о пристани <...>».⁸³

Но отказаться от самой дорогой мечты он не может: «...я чувствую теперь: страстное, непреодолимое желание своего гнезда, своего *home'a* — вместе с сознанием невозможности осуществления моей мечты — и в то же время — присутствие постоянной мысли о тщете всего земного, о близости *чего-то*, что я назвать не умею. Слово: смерть — одно не выражает вполне этого *чего-то* <...> должно быть, лампа вспыхивает в последний раз перед концом. Туда ей и дорога!».⁸⁴

«...Над другими, Вам известными отношениями лег какой-то печальный туман. Впрочем, нечего жаловаться и хныкать: жизнь в *свое* удовольствие давно кончилась для меня — и надо теперь приучаться к *настоящему* жертвованию собою — не к тому, о котором мы так много говорим в молодости и которое представляется нам в образе любви, то есть все-таки наслаждения — а к тому, которое ничего не дает личности, кроме разве чувства исполненного долга, и заметьте — чувства чужого и холодного, безо всякой примеси восторженности и увлечения».

К этим словам прибавлено (применительно к самой гр. Ламберт): «Вам всё это знакомо: мы одного поля ягоды — и я Вам это говорю для подкрепления себя и Вас в этих мыслях» (21 сентября / 3 октября 1860).⁸⁵ Стало быть, в ее интимной жизни происходило тоже нечто подобное, и это облегчало ему говорить с нею о своем горе любви.

«...На днях — мое сердце умерло, — пишет Иван Сергеевич 28 ноября / 10 декабря 1860 года. — Сообщаю Вам этот факт — как назвать его, не знаю. Вы понимаете, что я хочу сказать. Прошедшее отделилось от меня окончательно, но расставшись с ним, я увидел, что у меня ничего не осталось, что вся моя жизнь отделилась вместе с ним. — Тяжело мне было — но я скоро окаменел; и я чувствую теперь, что так жить еще можно. Вот если бы снова возродилась малейшая надежда возврата — она потрясла бы меня до основания. Я уже прежде испытал этот лед бесчувствия, под которым таится немое горе... дайте окрепнуть этой коре — и горе под ней исчезнет».⁸⁶

Елизавета Егоровна всем сердцем жалела Тургенева, в этом нельзя сомневаться; но она, наверное, считала, что другого конца и не могло быть, и одобряла решимость покончить. Тургенев еще раз из Парижа (28 октября / 9 ноября 1862) вспоминает прошлое: «Почти вся жизнь уже позади — и я не могу сказать, с каким собственно ощущением я гляжу в прошедшее. Мне не то что жаль его, не то что досадно, не думаю я, что я бы мог лучше прожить, если б!.. Не страшно мне смотреть вперед — только сознаю я совершение каких-то вечных, неизменных, но глухих и немых, законов над собою <...>».⁸⁷

Тургенев отказался от своих надежд, но не от своей любви и не от общения с любимой женщиной. Произошло переселение Полины Виардо вместе с ее семьей в Баден-Баден; Иван Сергеевич поселился там же около нее, даже дом себе построил, значит, предполагал, что это будет на всю жизнь или надолго. Стало быть, произошло внутреннее примирение духа, Данте бы сказал: «trasfigurazione dell'amore»,^a 88 очищение любви от эгоизма, принятие как блага того лучшего, что она могла дать самим фактом своего существования и тою дружбою, какую он получал за нее в ответ.*

Верный своей полной откровенности в общении с Е. Е. Ламберт, Иван Сергеевич сообщает ей 26 марта / 7 апреля 1864 года из Парижа: «Я приехал сюда через Баден, где я провел дней десять самым приятным образом. Оттого ли, что мои требования стали меньше, оттого ли, что там мое настоящее гнездо, — только я замечаю, что с некоторого времени счастье дается мне гораздо легче, несмотря на общее потускнение колорита (моей жизни. — И. Г.) <...>. Хорошо мне там житься!»⁸⁹

Этими словами как бы констатируется, как решает он свою судьбу на дальнейшие годы: он останется с семьей Виардо как самый близкий ее друг, храня в душе своей неизменное чувство, больше ничего не требуя и не ожидая для себя. Нечто подобное уже ощущалось им давно: «Прежние мои отношения немного огрубели — но зато и закрепили, как кора на стареющем дереве: кажется, теперь ничего их не изменит» (10/22 декабря 1861).⁹⁰ *Огрубели* — вряд ли, но кристаллизовались, притом в прекрасные формы самоотверженной любви.

Из одного сопоставления собранных выдержек может быть построена история основной любви Тургенева к Полине Виардо за это десятилетие (1855—1865): такова была полнота доверия его к дружбе гр. Ламберт и потребность его раскрывать ей всю свою душу. Он, может быть, и ее заставлял страдать за него, но таково последствие дружеской солидарности, и она принимала ее на себя.

Б. Ни с кем из своих корреспондентов Тургенев не говорит так много о *религиозных вопросах*, как именно с гр. Ламберт.⁹¹ Тургенева привыкли считать неверующим, некоторые исследователи даже прямо называют его *атеистом*.⁹² И он сам несколько раз будто дает основание для такого суждения. Раз (это было уже в последний период его жизни) М. А. Милютина спрашивала о его мирозерцании. Тургенев ответил (22 февраля / 6 марта 1875): «...скажу вкратце, что я преимущественно реалист — и более всего интересуюсь живою правдою людской физиономии; ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты не верю, люблю больше всего свободу — и, сколько могу судить, доступен поэзии. Всё человеческое мне дорого. Славянофиль-

^a «преображение любви» — *ит.*

* В своей книге «История одной любви» (см. главу 18-ю 2-го издания) я пытаюсь объяснить совершившееся в душе превращение.

ство чуждо — так же как и всякая ортодоксия».⁹³ В своих «Литературных и житейских воспоминаниях»⁹⁴ и в одном письме к Ю. П. Вревской (8/20 апреля 1876)⁹⁵ он повторяет такую же квалификацию себя как человека, лишённого веры.

В одном из писем к Герцену Иван Сергеевич высказывается сдержаннее (10/22 апреля 1862): «В мистицизм я не ударился и не ударюсь; — в отношении к богу я придерживаюсь мнения Фауста:

Wer darf ihn nennen,
Und wer bekennen:
Ich glaub' ihn!
Wer empfinden
Und sich unterwinden
Zu sagen: Ich glaub' ihn nicht!*

Впрочем — это чувство во мне никогда не было тайной для тебя».⁹⁶ Здесь уже не прямое неверие, а *агностицизм*: не знаю. Тургенев стремился базироваться на достоверной, научно-познанной истине. Он будто хочет сказать: показания науки признаю обязательными, относительно потустороннего, сверхчувственного мира воздерживаюсь.**

Всё это — формулы простые, но можно ли в них заключить весь сложный вопрос? Он не верит, но равнодушен ли он к религии и как оценивает ее значение в прошлом и настоящем? Он отрицается от мистики, но своими произведениями (и не только в последние годы) обнаруживает наличие в себе сильной способности к мистическому восприятию. Выразить в кратких словах собственное мирозерцание очень трудно, особенно если не принадлежишь к какой-нибудь «ортодоксии», т. е. положительному вероисповеданию; а последнее можно определенно утверждать о Тургеневе. Не удастся этого достигнуть и ему в приведенных строках. В таком смысле интересно, что в письмах к Ламберт он несколько раз возвращается к религии. Интересно и другое, что он так привязался к женщине глубоко религиозной, притом приверженной именно к православию.

Характернее всего одно место из письма 15/27 ноября 1861 года: «Имеющий веру — имеет всё и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды».⁹⁷ Это — тоже краткое изречение, но оно очень содержательно и гораздо конкретнее, реалистичнее, чем выше приведенные.

Эти слова, начертанные самим Тургеневым в зените его духовной жизни, раскрывают, думается, существо его религиозной природы. Ве-

* Кто исповедать может дерзновенно —
Я верую в него?
Кто с полным чувством убежденья
Не побоится утвержденья:
Не верую в него?

Часть первая, сцена 16-я (по переводу Холодковского. Т. I. С. 131).

** Такая позиция подтверждается многими другими письмами к Герцену.

ра, он понимает и признает, дает всё, т. е. то, что необходимо для уразумения высшего смысла жизни. Без нее (он хочет сказать) человек нищ и беспомощен, он прикован к своей ограниченности. Таково общее теоретическое положение, выставляемое Тургеневым по вопросу о значении религии. Лично (практически) он не обладает этим благом, стало быть, лишен нужного света и ходит во мраке. У него нет того спокойствия и утешения, которое найдет в своем горе* его верующий друг. Но он не отчаивается, — значит, ищет веры. В этих словах нечто вроде ключа для понимания, какое место занимала религиозная проблема в душе Тургенева. Из них можно вывести, что она была для него коренным вопросом духовного бытия. Это была — религиозная (т. е. жаждущая религии) душа, не находящая веры и этим мучающаяся. Стало быть, пока проблема эта стояла перед ним, работа над нею совершалась в нем как драма.

Не ставлю здесь задачи исследовать вопрос о внутренней борьбе Тургенева за религиозное мирозерцание, но констатирую ее наличие, — и это проливает свет на рост его дружбы с Е. Е. Ламберт: он мог искать в ней помощи и на этом пути. Оттого он многократно обращается в переписке с нею к религиозным темам, притом не всегда только в виде вопроса, но иногда и с высказыванием собственных мыслей.

Уже во втором письме (10/22 июня 1856) он рассуждает: «У нас нет идеала — <...> а идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукою) и религией. Но не всякий родится афинянином или англичанином, художником или ученым — и религия не всякому дается — тотчас. Будем ждать и верить <...>».⁹⁸ Идеал для него необходимый признак если не совершенной, то полной жизни, и религия ставится рядом с высоким развитием гражданственности, науки и искусства — на равных правах, как высшая сила, дающая идеал.

Смерть всегда была предметом особого ужаса для Тургенева; он оставил столько ее образов в своих произведениях. В одном письме (14/26 октября 1859) он доказывает, что «в судьбе почти каждого человека есть что-то трагическое, — только часто это трагическое закрыто от самого человека пошлой поверхностью жизни». Тут же он прибавляет: «И притом мы все осуждены на смерть... Какого еще хотеть трагического?».⁹⁹ Такое чувство обращало его мысль к религии, что подтверждается его перепискою с Е. Е. Ламберт. Выразительно здесь письмо 81-е (10/22 декабря 1861): «Естественность смерти гораздо страшнее ее внезапности или необычайности. Одна религия может победить этот страх... Но сама религия должна стать естественной потребностью в человеке, — а у кого ее нет — тому остается только с легкомыслием или с стоицизмом (в сущности это всё равно) отворачивать глаза».¹⁰⁰

Вместе со *смертью* тесно связывается вопрос о *бессмертии*. Он тоже волновал Тургенева. В том же письме он рассказывает: «На днях

* Письмо написано после того, когда Тургенев узнал о постигшей Е. Е. Ламберт тяжелой утрате.

здесь умерла Мансурова <...> одна моя знакомая, у которой она умерла на руках, была поражена легкостью, с которой человек умирает: — открытая дверь заперлась — и только... Но неужели тут и конец! Неужели смерть есть не что иное, как последнее отправление жизни? — Я решительно не знаю, что думать — и только повторяю: „счастливы те, которые верят!“».¹⁰¹

Он сам рвался к вере, искал аргументов, которые могли бы убедить ум и тем облегчить веру. Еще раньше читаем у него такую оценку пережитого им совсем особенного самоощущения (8/20 января 1861): «Я чувствую себя как бы давно умершим, как бы принадлежащим к давно минувшему, — существом — но существом, сохранившим живую любовь к Добру и Красоте. Только в этой любви уже нет ничего личного <...>. Возможность пережить в самом себе смерть самого себя — есть, может быть, одно из самых несомненных доказательств бессмертия души. Вот — я умер — и все-таки жив — и даже, быть может, лучше стал и чище. Чего же еще?».¹⁰²

Из произведений последнего времени (особенно из повести «Клара Милич») видно, что он приближался к такой вере в потустороннее существование. Он раньше говорил той же Елизавете Егоровне: «...если я не христианин — это мое личное дело — пожалуй, мое личное несчастье».¹⁰³ К концу жизни он понял христианство как религию любви, а любовь и именно такая, когда человек душу свою полагает за друзей своих, была близка к его духу. Так думала и гр. Ламберт, и она утешалась тем, что такая любовь осуществит его надежду на приобретение внутреннего мира и даст веру.

В. Выше говорено, что вся жизнь Тургенева за одиннадцатилетие, когда продолжалась его переписка с гр. Ламберт, — отражалась на его письмах, от крупных событий, мыслей и переживаний до повседневных мелочей. Естественно должны были занимать в ней большое место сочинения *Ивана Сергеевича*.

Известно, как мнительно он относился к каждому вновь готовому к печати, а потом появляющемуся своему произведению, мучительно ощущал и преувеличивал их недостатки. Ему нужны были замечания друзей, и они приводили его к значительным переработкам первоначального текста. Были лица, которые являлись даже непререкаемыми критиками всех его вещей еще в рукописном виде. Таких было двое — Полина Виардо и П. В. Анненков. Первая судила по непосредственному впечатлению, обладая острым и быстро восприимчивым вкусом, открыто хвалила или порицала по своему чувству и свободно отдавалась настроению, в каком заставлял ее предьявлявшийся ей *manuscrit*.^a Анненков добросовестно вчитывался в каждое произведение; исходил он из презумпции, что Тургенев не может написать что-нибудь слабое, но потому он особенно тщательно отмечал усмотренные дефекты, желая помочь автору достигнуть совершенства.

^a рукопись (франц.).

Третьим лицом, которому он стремился показать свои детища еще до напечатания и выслушать его суд, — была Е. Е. Ламберт. Не всегда это удавалось, но он очень дорожил ее вкусом и мнением. Она была судьей строгим, многое не одобряла, даже иногда советовала не печатать. Происходило это, без сомнения, от высокой оценки таланта автора, ее друга, но угодить ей было нелегко — она требовала безукоризненности.

«Я не велел доставить Вам экземпляры недавно собранных моих повестей — потому что знаю, что Вы этими пустячками не занимаетесь. А грешный я человек! Каюсь, желал бы я знать Ваше мнение насчет моего писания; с Вашим здравым и свободным умом, с Вашим тонким и верным вкусом Вы бы мне много сказали полезного».¹⁰⁴ Это было в начале их знакомства (13/25 марта 1857). Гр. Ламберт сочувственно отнеслась к сборнику, и он был очень рад: «Хотя я почти перестал чувствовать себя сочинителем, однако я весьма порадовался Вашему одобрению — и не могу не сожалеть о письме, которое было мне назначено — и которое погубло» (26 июля / 7 августа).¹⁰⁵

Когда была отправлена в «Современник» рукопись «Аси», Тургенев просит Елизавету Егоровну, чтобы она спросила ее у Анненкова и прочитала ее.¹⁰⁶ Из Рима же он сообщает ей о замысле «Дворянского гнезда», подчеркивая, что в центре романа будет поставлена религиозная девушка (22 декабря 1857 / 3 января 1858).¹⁰⁷ Когда роман вышел и вызвал единодушное одобрение критики и читателей, автор пишет ей же (27 марта / 8 апреля 1859): «Я очень рад, что я не поддался желанию пользоваться успехом моего романа и не выезжал направо и налево: кроме усталости, да, может быть, грешного удовлетворения мелкого и дрянного чувства тщеславия — ничего бы мне это не дало».¹⁰⁸

С третьим романом Ивана Сергеевича «Накануне», в связи с отношением к нему Е. Е. Ламберт, чуть не произошла катастрофа. Тургенев сообщает ей, прежде всего, о самом плане новой вещи: «...это работа довольно утомительная — тем более, что она никаких *видимых* следов не оставляет: лежишь себе на диване или ходишь по комнате — да переворачиваешь в голове какой-нибудь характер или положение — смотришь: часа три, четыре прошло — а кажется, немного вперед подвинулся» (27 марта / 8 апреля 1859). Вскоре потом он извещает еще: «Я теперь занят большою повестью, в которую намерен положить всё, что у меня еще осталось в душе... Бог знает, удастся ли? Я беспреостанно вожусь с моими лицами — даже во сне их вижу. Если я буду доволен своей работой — посвящу ее Вам».¹⁰⁹ Сам он пока судить о ней не может: «...находясь в дыму сражения, не знаешь, победил ли ты или разбит».¹¹⁰ Начав «Накануне» в Спасском, он продолжает писать во Франции. Он гостит у княгини Трубецкой в Бельфонте, живет в отдельном флигельке и много работает над новым романом.¹¹¹ Он обещает лично ей прочесть его, когда труд будет готов (23 июля / 4 августа).¹¹² И дальше можно проследить по письмам к ней почти всю биографию «Накануне».

Когда роман был окончен, Тургенев, приехав в Петербург, по болезни не мог прочитать его сам гр. Ламберт, но он отправил к ней рукопись: «Прошу Вас делать на полях критические замечания карандашом. Вы знаете, что моя повесть Вам посвящена — но я не хотел написать это посвящение, пока Вы ее сами не прочтете — особенно 28-ую главу».*¹¹³ Через несколько дней она сообщила, что придет к нему и выскажет свое мнение. Немедленно после ее посещения П. В. Анненков получил от Тургенева такое письмо:

«Любезнейший П<авел> В<асильевич>. Со мной сейчас случилось преоригинальное обстоятельство. У меня сейчас была графиня Ламберт с мужем, и она (прочитавши мой роман) так неопровержимо доказала мне, что он никуда не годится, фальшив и ложен от А до Z, — что я серьезно думаю — не бросить ли его в огонь? Не смейтесь, пожалуйста, а приходите-ка ко мне часа в три — и я Вам покажу ее написанные замечания, а также передам ее доводы. Она, без всякого преувеличения, поселила во мне отвращение к моему продукту — и я, без всяких шуток, только из уважения к Вам и веря в Ваш вкус — не тот же час уничтожил мою работу. Приходите-ка, мы потолкуем, — и может быть, и вы убедитесь в справедливости ее слов. Лучше теперь уничтожить, чем впоследствии бранить себя. — Я всё это пишу не без досады, но безо всякой жёлчи, ей-богу. Жду Вас и буду держать огонь в камине».¹¹⁴

Анненков приехал, и огонь в камине оказался излишен. Через полчаса размышления сообщая автор убедился, что критика строгого друга неосновательна. «Графиня <...> как большинство развитых русских женщин, не любила, чтобы искусство искало помощи и содействия политики, философии, чего-либо постороннего, хотя бы даже науки вообще. «Накануне» было, таким образом, спасено <...>».**¹¹⁵

Анненкову показалось, что сам Тургенев не хотел уничтожения рукописи; но авторитетность для него суждения Е. Е. Ламберт была так сильна, что он готов был подчиниться такому требованию, пойти на частичное самоубийство в творчестве.¹¹⁶ Но посвятить «Накануне» приговорившей роман к сожжению было уже невозможно. Решительность ее критики вызывалась соображениями общественными и нравственными, и она хотела избавить автора от нападков; да, может быть, Тургенев преувеличил отрицание гр. Ламберт. Во всяком случае, это интересный факт, рисующий разногласие в понятиях и вкусах любивших друг друга мужчины и женщины, хотя оба ставили друг друга

* Это там, где изображается свидание Елены с Инсаровым в его комнате после его болезни: его тревожат, очевидно, самые последние <строки>, из которых можно подумывать, что она тут же отдалась Инсарову, — и он хочет узнать, как оценит весь эпизод строгий нравственный вкус Е. Е. Ламберт.

** Анненков П. В. Литературные воспоминания. СПб., 1909. С. 514. Она, между прочим, напирала на то, будто невозможно допустить увлечения болгарской идеей на Руси, особенно в женском сердце.

очень высоко: она незыблемо признавала в нем великий талант, он в ней — тонкое чувство изящного.*

Когда Иван Сергеевич начал работать над «*Отцами и детьми*», он не отчаялся в Елизавете Егоровне как критике, а тотчас же сообщил ей, что задумал новую большую вещь — «что-то выйдет?». ¹¹⁹ Он надеется написать ее в течение зимы 1860—1861 гг. в Париже. «Задачу я себе задал трудную — и более обширную, чем бы следовало по моим силам, которые не созданы на большие дела. Буду стараться елико возможно» (31 октября / 12 ноября 1860). ¹²⁰ Он обещает, что Анненков прочтет ей новое произведение, как только оно будет готово. ¹²¹ В назначенный срок роман не был окончен, автор продолжал его летом в Спасском.

«Я поеду через Петербург в самом начале сентября или даже в конце августа; увижу Вас непременно и, вероятно, прочту Вам или дам прочесть мое новое произведение, которое приближается к концу. Теперь я сам никакого суждения о нем не могу иметь: я знаю, что я хочу сказать — но я решительно не знаю, сколько мне удалось высказать... Автор никогда не знает — в то время, как он показывает свои китайские тени — горит ли, погасла ли свечка в его фонаре. Сам-то он видит свои фигуры — а другим, может быть, представляется одна черная стена» (15/27 июня 1861). ¹²²

В следующих нескольких письмах он указывает, что роман будет скоро готов. «Вы как-то изъявили желание знать, что делается с моим романом.** Он приближается к концу — главные все узлы уже распутаны — и я надеюсь, недели через две, вкусить единственную отраду литературной жизни — т. е. написать последнюю строчку. — Не могу Вам, при всем желании, сказать, какое мое собственное мнение о нем; знаю только, что он мне стоил больше труда, чем всё, что я написал доселе. — Но ведь это не ручательство в том, удался ли он мне. Это только доказательство, что я взялся за трудную задачу. В Петербурге я Вам дам рукопись прочесть и буду ждать Вашего суда, который до сих пор редко ошибался» (Спасское, 19/31 июля 1861). ¹²³

«Отцы и дети» были окончены в это лето даже раньше, чем он думал; роман был прочитан графине Ламберт в рукописи и, как вспоминает Тургенев, «мало понравился ей» (Париж, 2/14 марта 1862). ¹²⁴ Он тут же прибавляет: «...пробегите мою повесть <...>. — Я сделал в ней много сокращений и изменений, хотя, разумеется, основная мысль и вся физиономия исполнения — остались те же. Я решился было бросить эту повесть в огонь — но <...> Катков поднял крик и в письмах своих наговорил мне всяких неприятностей». ¹²⁵

О тяжело пережитых нападках из различных групп читателей и критиков «Отцов и детей» Тургенев упоминает Е. Е. Ламберт только один

* После выхода спорного произведения Тургенев еще писал ей: «...кстати, Ваши предсказания оправдались — и мое „Накануне“ почти никому не нравится». ¹¹⁷ По словам Анненкова, это опять было преувеличение; но роман послужил поводом для разрыва автора с «Современником». ¹¹⁸

** Она тоже внимательно следила за ходом его писательства.

раз (9/21 июня 1862): должно быть, не хочет тревожить ее рассказами о всяких гадостях, какие сыпались на него тогда. «За работу я пока не принимался — и если напишу что-нибудь — то это будет в роде сказки: приниматься за вещь вроде „Отцов и детей” — нет во мне никакой охоты. Господи! что я вынес толков и споров! Это лестно — но под конец утомительно — и, главное, бесплодно. Теперь я в таком расположении, о котором говорится: день мой — век мой».¹²⁶

Из баденского периода Тургенев мимоходом сообщает о «Призраках» (6/18 июля 1863): «Я кончил недавно небольшую вещь — и представьте — фантастическую! — скорее описательную. Она была назначена для журнала „Время”, но этот журнал запретили — за статью <...> о Польше, — и я остался с своим детищем на руках».*¹²⁷

Наконец, последнее произведение, затрогиваемое в письмах к гр. Ламберт, — это «Дым» (13/25 февраля 1867): «...подагра по крайней мере ту имела пользу, что я — после четырехлетнего бездействия — окончил и переписал роман, который я везу с собою для напечатания в „Русском вестнике”. Удался ли он мне, или нет — это неизвестно <...>».¹²⁸ В следующем письме (29 апреля / 11 мая) он с некоторою грустью пишет: «Не спрашиваю у Вас мнения о моем романе: Вы его, вероятно, не прочли — а если и прочли, то он Вам не понравился — это я знаю».¹²⁹

Можно с уверенностью сказать, что произведения Ивана Сергеевича нравились Е. Е. Ламберт, но она усвоила манеру строгой критики, стремясь (можно не сомневаться) к охране его писательской славы; — и тут она придиралась к мелочам и тем доставляла, возможно, иногда ему огорчение, так как он очень ценил ее отзывы, и отрицательные суждения влияли на него сильнее, чем положительные.**

Так, в письмах Тургенева к гр. Ламберт заключается значительный материал для истории творчества его, внешней и внутренней. Это — характерно: он не очень многих лиц посвящал в эту важнейшую сторону своей деятельности. Много говорит он о своем писательстве только

* Как известно, роман (так! — В. Л.) был напечатан потом в другом журнале братьев Достоевских — «Эпоха».

** Интересно отметить, что говорится в одном из писем (Париж 16, 18 февраля / 28 февраля, 2 марта 1861) о «Первой любви». Она кому-то давала прочесть эту повесть и сообщила ему свое мнение, которое, очевидно, было неблагоприятное. Тургенев отвечает: «Возвращаю Вам письмо г-на Г. Должно быть, он прав (мой приятель Виардо точно такого же мнения о «Первой любви») — и мне не служит извинением то, что я несколько не воображал выбранный мною сюжет безнравственным. Это скорее — une circonstance aggravante (отягчающее обстоятельство (франц.). — Ред.). Против одного я, однако, позволю себе протестовать: а именно — я писал вовсе не с желанием бить, как говорится, на эффект; я не придумывал этой повести; она дана мне была целиком самой жизнью. Спешу прибавить, что это меня не оправдывает; я, вероятно, не должен был касаться всего этого. Говорю: вероятно — потому что не хочу лгать. Если бы кто-нибудь меня спросил, согласился ли бы я на уничтожение этой повести, так, что и следа бы от нее не осталось... я бы покачал отрицательно головой. Но я с охотой соглашаюсь никогда не говорить и не вспоминать больше о ней» (ПССИИ(2). Письма. Т. 4. С. 296). Отзыв, значит, опять был суровый и отрицательный и прислан был для назидания.

Анненкову, главному своему судии и верному другу и поклоннику его таланта. Постоянно идет речь об этом в переписке с *Стасюлевичем*, но там затрагивается больше всего сторона издательская. Есть данные о том же в письмах к *Полонскому*, а в корреспонденции с другими встречаются лишь отдельные, случайные упоминания. Письма к графине Ламберт представляют особый тип: автор прямо влечется рассказывать ей, что он пишет и как пишется, не страшась ее строгостей, а она видит свой долг верного друга в том, чтобы этих строгостей не ослаблять и особенно высоко держать моральный критерий.

Г. Еще одна тема часто затрагивается в письмах Ивана Сергеевича к гр. Ламберт — *крестьянский вопрос*. Это не удивительно. Тургенев мыслил об освобождении крестьян с юности, и он ставил борьбу за него одною из важнейших задач своей литературной деятельности. Но вопрос это особый, и о нем существует специальная литература. Сводную характеристику отношения Тургенева к крестьянскому вопросу дает *Н. М. Гутьяр* в своей ценной биографической книге об Иване Сергеевиче.* Можно было бы не касаться его в настоящей книге, но в последние годы стали высказываться, по моему мнению, неосновательные возражения против того, что по данному существенному явлению в русской жизни заявляет о себе сам Тургенев. Он прямо сообщает в своих «Литературных и житейских воспоминаниях», что крепостное право было исконным врагом его духа и «Записки охотника» возникли в его замыслах как посильное ему, писателю, средство борьбы против него.¹³⁰ Целый ряд тургеневедов склонны теперь это отрицать, называя то, что Тургенев именуется (повторяя Герцена) своею «аннибаловою клятвою» — служить уничтожению крестьянского рабства, — позднее сложившеюся легендою, в которую уверовал сам Тургенев. Они утверждают, что «Записки охотника» вызваны были к жизни исключительно литературными мотивами и об уничтожении крепостного права при создании их автор не думал как об определенной и для него общественной задаче.**

Ввиду этого не хочется обходить вопрос и здесь. Подчеркнуть лишней раз постоянный интерес его к крестьянской реформе представляется желательным еще потому, что среди орловских краеведов мне пришлось подметить тенденцию представить Тургенева не только не сторонником освобождения, но настоящим «баринном», готовые даже приложить к нему кличку «крепостника»*** Конечно, такое «открытие» не может быть ни на чем обосновано, но самое дерзновение такого

* См. в его работе — «Иван Сергеевич Тургенев» (Юрьев, 1907) главу VII-ю: «И. С. Тургенев и крестьянский вопрос» (С. 160—205).

** Последним в таком смысле высказывается *Л. П. Гроссман* во 2-м выпуске сборника «Свиток» (М., 1922) и потом в III-м томике собрания своих статей. Он приводит и литературу.¹³¹

*** Могу указать статейку *И. И. Лебедева* «Тургенев и крепостное крестьянство» в орловском журнальчике «Новый путь» (1925. № 1. Май).

рода по отношению к писателю, сыгравшему в деле крупную прогрессивную роль, возмущает чувство справедливости.

Кроме того, когда писалась книга Н. М. Гутъяра, письма к Е. Е. Ламберт были еще неизвестны, и следует обратить на них внимание и с этой стороны. То, что Тургенев склонен говорить с нею о своей работе по подготовке освобождения и устройению крестьян наилучшим возможным способом после реформы, — свидетельствует, что и она стояла на одной с ним точке зрения, т. е. принадлежала в своих идеях к передовому меньшинству в русском дворянстве.*

Уже из Рима 3/15 ноября 1857 года Тургенев пишет с чувством возбужденного интереса: «А что делается у нас в России? Здесь ходят разные противоречащие слухи. Если б не литература, я бы давно вернулся в Россию; теперь каждому надобно быть на своем гнезде. В мае месяце я надеюсь прибыть в деревню — и не выеду оттуда, пока не устройю моих отношений к крестьянам. Будущей зимой, если бог даст, я буду землевладельцем, но уже не помещиком и не баринном».¹³³

Вскоре затем (22 декабря 1857 / 3 января 1858) из Рима же Елизавета Егоровна получила от него письмо однородного настроения¹³⁴: «Я здесь в Риме всё это время много и часто думаю о России. Что в ней делается теперь; двинется ли этот Левиафан (подобно английскому) — и войдет ли в волны или застрянет на полпути? До сих пор слухи приходят все довольно благоприятные; но затруднений бездна — а охоты, в сущности, мало. Ленив и неповоротлив русский человек — и не привык ни самостоятельно мыслить, ни последовательно действовать. Но нужда — великое слово! — поднимет и этого медведя из берлоги».¹³⁵

В это время в Риме находилась великая княгиня Елена Павловна, самая активная сторонница крестьянской реформы в царской фамилии, и она была окружена группою русских лиц, деятельно сочувствовавших назревшему делу обновления России. Тургенев с ними постоянно виделся, от них получал самые свежие вести из России,** и им в Риме была составлена «Записка» о предлагавшемся им журнале, который под скромным названием «Хозяйственный указатель» должен был разрабатывать крестьянский вопрос в полноте.***.¹³⁶

Анненков, С. Т. Аксаков постоянно писали Тургеневу о русских делах; он сообщал Герцену новые материалы, полученные из России, для «Колокола», очевидно, много сообщала ему и Е. Е. Ламберт, — и она, должно быть, звала его из Италии. Ему хорошо было в Риме, но становилось тревожно и тянуло домой: «Не дождусь я мая... в мае я вернусь

* Конечно, в настоящей книге я могу коснуться вопроса только с одной этой стороны; но в другой подготовляемой мною работе он будет рассмотрен обстоятельно и в других отношениях.¹³²

** См. о них в переписке Тургенева с Анненковым (в его «Литературных воспоминаниях», с. 502 и далее) и письма его к Герцену и письмо к Л. Н. Толстому от 17/29 января 1858.

*** Она была впоследствии напечатана в «Русской старине» (1883. № 9 (Сентябрь). Приложения. С. 7—16).

к себе в деревню».¹³⁷ Разволнованное его настроение в Риме хорошо выражено *Фетом* в присланном Тургеневу стихотворном послании:

...молчалива
Перед тобой стоит олива,
Иль зонтик пинны молодой;
Но вечно радужные грезы
Тебя несут под тень березы,
К ручьям земли твоей родной.¹³⁸

В письме 27 марта / 8 апреля 1859 года уже из Спасского Иван Сергеевич сообщает Елизавете Егоровне, что едет в Орел на заседание губернского комитета по крестьянским делам.¹³⁹ Следующее письмо, касающееся вопроса, написано 16, 18 февраля / 28 февраля, 2 марта 1861 года, т. е. накануне подписания акта об отмене крепостного права. Тургенев находился тогда в Париже.

«...Мы все, находящиеся здесь русские, с волнением ожидаем вестей об окончательном объявлении эманципации. Говорят, что указ выйдет 19-го февр. ст. ст., то есть через три дня... Как мне жаль, что я теперь не в Петербурге! Продолжаю письмо 18-го февр. / 2 марта. — Сегодня, 6 лет (уже 6 лет!) тому назад, умер Николай Павлович... Стало быть завтра — великий день. Между тем в „Galignani” стоит депеша, будто бы с.-петербургский генерал-губернатор объявил, что 19-го февр. никакой публикации не будет;* в Париже распространился слух, будто в Варшаве вспыхнул бунт. Сохрани нас бог от эдакой беды! — Бунт в Царстве может только жестоко повредить и Польше и России, как всякий бунт и всякий заговор.** Не такими путями должны мы идти вперед. Надеюсь, что этот слух окажется ложным. — А в странное и смутное время мы живем. Приглядитесь к тому, что везде делается... Никогда разложение старого не происходило так быстро. А будет ли лучше новое — бог весть!»¹⁴⁰

Анненков как верный друг почти ежедневно сообщал Тургеневу все крупные новости. Писала и Е. Е. Ламберт. Он раз огорчается, что «она замолкла».¹⁴¹ Вероятно, что-нибудь неприятное, темное шло наперекор ожиданиям. В начале мая он приехал в Петербург и, прощаясь с нею перед отъездом в Спасское, обещал сообщать оттуда о своих действиях с крестьянами. Далее идет ряд писем, в которых с огорчением рассказывается о трудностях, против которых приходится бороться при переходе крестьян с барщины на оброк, как неохотно они соглашались на выкуп.

Не приходится приводить и объяснять все подробности — дело это знакомое. Важно только представить себе, как должна была интересоваться всем этим гр. Ламберт: она тоже была помещицей и тоже хотела,

* Известно, что обнаружение манифеста, подписанного 19 февраля, состоялось только 5 марта.

** Это основное его недоверие к насильственным актам и переворотам; здесь оно усугублялось опасением, что затормозится падение крепостного права.

как Тургенев, хорошо поступить со своими крестьянами. Но один большой отрывок из письма того же лета выписать надо: он хорошо показывает, какие затруднения¹⁴² связывались с попытками сделать всё осуществимое в пользу крестьян при проведении реформы, какие препятствия чинились властями, реакционным дворянством или вытекали из¹⁴³ недоверия крестьян и их неудовольствованных ожиданий.

«До Вас уже, вероятно, дошли слухи о *нежелании* народа переходить с *барщины на оброк*. Этот знаменательный — и, признаюсь, никем не предвиденный факт — доказывает, что наш народ готов отказаться от явной выгоды (барщинные дни оцениваются по крайней мере в 80 р. сер. — а самый высокий оброк не достигает 30 р.) в надежде, что вот — авось выйдет еще указ — и нам земли отдадут даром — или царь ее нам подарит через 2 года — а оброчные уже *обвязались*, т. е. вступили в известные определенные условия. Иные оброчные мужики при мне жаловались, что вот мол барщинным мужичкам вышла льгота — три дня вместо шести, — а нашему брату ничего. Это доказывает, между прочим, как хорошо исполнялись законы, уже с Петра Великого подтверждавшие, что больше трех дней не брать. Правительство наше действовало, отправляясь от того предположенья, что законы имеют свою силу, исполняются — и мудро было правительству иначе действовать — и вышло, что оно как будто сделало несправедливость: одних наградило, других оставило в прежнем положении... Об участии в выкупе со стороны крестьян и думать нечего; не только через 36 или 40 лет, — но если сказать нашему крестьянину, что он, платя лишний рубль в течение 5 только лет, приобретет себе землю для своего же сына, — он не согласится: во-первых — он заботится только о сегодняшнем дне, — а во-вторых — он лишен доверия в начальство: буду платить 5 лет, думает он — а там выдет повеление: плати еще 5. И в этом он не совсем не прав. Мы пожинаем теперь горькие плоды прошедших 30 или 40 лет. — <...> Вот тут и толкуй о законности, ответственности, разделении властей, и т. д., и т. д. К счастью, я еще в прошлом году успел перевести хотя часть крестьян на оброк».*¹⁴⁴ Здесь хорошо выясняется, как добрые пожелания и старания могли разбиваться о запутанность социальных отношений — тяжелое наследство многовекового зла.

В том же письме на сведения, сообщавшиеся самою Е. Е. Ламберт из Петербурга, Иван Сергеевич высказывает печальные размышления о положении родной страны. «Вы рисуете довольно мрачную картину современного быта России и русского характера вообще: к сожалению — добросовестный человек обязан подписаться почти под каждой из Ваших фраз. — История ли сделала нас такими, в самой ли нашей натуре находятся залогом всего того, что мы видим вокруг себя — толь-

* О том же Иван Сергеевич говорит в письмах к П. Виардо (см. в моей книге: История одной любви. С. 162 и далее). Он желает поставить своих крестьян в лучшие условия и обеспечить их от безграничного фактического произвола помещичьей власти известными договорными началами, свое же хозяйство вести не крепостным трудом.

ко мы, действительно, продолжаем сидеть — в виду неба и со стремлением к нему — по уши в грязи. Говорят иные астрономы — что кометы становятся планетами, переходя из газообразного состояния в твердое; всеобщая *газообразность* России меня смущает — и заставляет меня думать, что мы еще далеки от *планетарного* состояния. Нигде ничего крепкого, твердого — нигде никакого зерна; не говорю уже о сословиях — в самом народе этого нет».¹⁴⁵

Еще в следующем письме (15/27 июня 1861) Тургенев жалуется на тяжелые стороны, открывающиеся в самой природе и нравах крестьян. Очевидно, между ними шел спор о свойствах и предстоящих судьбах крестьянства. Он спрашивает: «...неужели Вы воображаете, что я не вижу насквозь русского мужичка? Народ без образования (я употребляю это слово в смысле *гражданском* — не в ученном или литературном смысле) всегда будет плох, несмотря на всю свою хитрость и тонкость. Надо, с одной стороны, вооружиться терпением — а с другой — стараться *учить* их... а наше дальновидное правительство налагает 50 руб. сер. пошлины на студентов и на посетителей университетов!».¹⁴⁶ Здесь повторяется любимая мысль Тургенева о просвещении народа как необходимом пути для его свободы и благосостояния.

В последний раз крестьянский вопрос затрагивается Тургеневым в письменной беседе с гр. Ламберт в 1862 году. Это был бурный год для России в политическом отношении: во многих местностях происходили крестьянские волнения,¹⁴⁷ университетские беспорядки в Петербурге, знаменитые пожары, приписывавшиеся революционерам со стороны полиции и реакционных кругов. Тургенев приехал из-за границы в самый день известных пожаров Апраксинского двора, и первый знакомый, попавшийся ему на Невском, встретил его восклицанием: «Посмотрите, что *ваши* нигилисты делают! жгут Петербург!».¹⁴⁸ Все это сильно расстраивало его, всегда опасавшегося насилий и сверху, и снизу.

Он уехал в Спасское и оттуда писал Е. Е. Ламберт 9/21 июня: «Признаюсь, мысли мои постоянно заняты Петербургом; из газет узнаешь очень немного — да они же приходят поздно... Что делается там теперь? Нашлись ли поджигатели — и с кем и с чем они находятся в связи? Я бы очень Вам был благодарен за самые краткие сведения; но Вам, вероятно, не до того».¹⁴⁹ Положение вещей в деревне несколько успокаивает его: «Здесь я еще не успел оглянуться, но, сколько я могу судить, дела вообще не в дурном положении — а, напротив, всё как будто собирается прийти в порядок. Тихо и смиренно везде».¹⁵⁰

Тургенев не отказался при введении в действие у себя положения о крестьянах пойти на решение вопроса в радикальных формах; но он сделал максимум того, что на почве сложившихся условий наилучшим образом, по возможности, устраивало его крестьян. Он пошел на многие жертвы своих интересов, какие допускались его крупным, но запущенным состоянием, но не мог не видеть, что реформа страдает существенными изъянами, которые будут требовать исправления, для

немедленного осуществления которых в своем индивидуальном случае у него не хватило смелости. Он готов был в дальнейшем идти навстречу нуждам местного населения постоянными льготами и активной помощью, что и доказал на деле в следующие годы. Тревога не покидала его: установится ли ко благу новый строй, будут ли развиваться дальше его основы в хозяйственной, политической и умственной областях? Но он утешает себя добрыми надеждами.

Вернувшись в Баден, он пишет оттуда: «Я приехал сюда прямо из деревни, где я провел около трех месяцев. Там всё шло хорошо — и я уверен, с каждым годом будет идти лучше. Вы, может быть, помните, что в деле освобождения крестьян я всегда был оптимистом <...>». ¹⁵¹ Он преувеличивает, как бы и себя хочет обмануть предвидением лучшего. Еще раньше (в конце 1859 года) Тургенев пишет гр. Ламберт, советуя ей писать письма по-русски, а не по-французски, размышляет: «...Вы увидите, что хотя он (русский язык. — *И. Г.*) не имеет *бескостной* гибкости французского языка — для выражения многих и лучших мыслей — он удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе. Странное дело! Этих четырех качеств — честности, простоты, свободы и силы нет в народе — а в языке они есть... Значит, будут и в народе». ¹⁵² Сентиментальной идеализации народа, как у славянофилов и многих народников, — у Тургенева не было, но любовь к нему и вера в его будущее жили в его душе.

Так, Тургенев радуется вестям о предстоящем преобразовании суда, и мысль его захватывается завершением начатых реформ — политической свободой и представительными учреждениями. Гр. Е. Е. Ламберт, — это ясно чувствуется, — находится в постоянном душевном контакте с ним и в созвучии мыслей и настроений в связи с общественным движением в России.

4

То, что нам удалось собрать на предшествующих страницах, не исчерпывает всего содержания писем Тургенева к Е. Е. Ламберт, но, думается, определяет характер их дружбы: это было полное взаимное понимание, несмотря на различие их природ и разногласие мыслей, глубокое единение (остерегаюсь сказать — слияние) двух душ в редко осуществляющейся полноте духовного союза.

Особенно ясно видим это в чрезвычайных случаях, больше всего в моменты тяжелых испытаний судьбы. В конце 1861 года Елизавета Егоровна потеряла единственного оставшегося своего сына-юношу. ¹⁵³ Иван Сергеевич немедленно пишет ей письмо, полное горестного сочувствия (15/27 ноября 1861): «...я бы долго не решился писать к Вам, не зная, что Вам сказать, не зная, будете ли Вы в состоянии слушать даже самый дружеский голос — если б я не получил, наконец, Вашей записки, которая в одно и то же время и усилила мою печаль, и несколько

меня успокоила. Я не мог себе представить состояние Вашей души; меня утешает мысль, что Вы перенесли поразивший Вас удар с христианским смирением и твердою верою в бога, который всё ведет к лучшему. Да поддержит и вперед Вас эта вера!

Что я могу сказать Вам — матери, потерявшей единственного сына! Если бы я был в Петербурге — я бы плакал с Вами; — а теперь я только протягиваю Вам обе руки и крепко и молча жму Ваши. — Жестокий этот год, в течение которого Вы испытали столько горя, послужил и для меня доказательством тщеты всего житейского: да, земное всё прах и тлен — и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру — имеет всё и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды.

Да, я буду часто писать к Вам. Я радуюсь тому, что в Вас еще есть потребность дружбы и участия и обмена чувств. Когда падают такие удары — остающиеся на земле должны крепче и теснее прижиматься друг к другу». ¹⁵⁴

Горе Е. Е. Ламберт было двойное: незадолго перед тем умер еще ее любимый брат: ¹⁵⁵ «Я видел здесь вдову Вашего покойного брата, — писал Иван Сергеевич, — и полюбил ее за искренность и простоту ее горя <...>. Ее здоровье очень потрясено — и я боюсь за нее. Она возобновит Ваше горе своим появлением — но в то же время, я уверен, она принесет Вам утешение — хотя бы тем, что Вы послужите ей опорой: помогать другим — лучшее средство утешиться в собственном несчастье. <...> дай бог Вам всю нужную силу!».* ¹⁵⁶

В следующих письмах Иван Сергеевич невольно возвращается к тому же. «Милая графиня, я несколько раз прочел Ваше трогательное письмо — и почувствовал несомненное убеждение, что бог поможет Вам перенести великое горе, которое на Вас обрушилось. Отнимая всякую прелесть от жизни, горе лишает ее также всей ее лжи и тревоги — и в этом-то и состоит ее настоящее несчастье. <...> Горе очищает, а потому и успокаивает; но не всякий может вынести такого рода спокойствие; — повторяю, я надеюсь, что бог Вам поможет» (10/22 декабря 1861). ¹⁵⁸ Он радуется (2/14 марта 1862), что у нее достало духу встретить жизнь «лицом к лицу». ** Он просит: «...пишите без утайки всё, что Вам придет на душу, и знайте, что каждое Ваше слово вызовет во мне глубокий отголосок... Не говоря уже о дружбе, которую я к Вам питаю и которая никогда не изменится». ¹⁶⁰

Тургенев неразрывно любил свое единственное родное гнездо — *Спасское*, которое вскормило и вспоило его детство, спаяло его с родною природою, всегда знакоило его с русскою жизнью. Он невольно стремился и друзьям вложить любовь к дорогому ему месту. В письмах

* Тургенев писал Анненкову: «Вы знаете, бедная гр. Ламберт потеряла своего единственного сына... Она не переживет этого удара». ¹⁵⁷

** Это, очевидно, выражение из ее письма. ¹⁵⁹

к Е. Е. Ламберт он много раз описывает свою усадьбу. Я уже приводил отрывок из самого первого письма, — и в дальнейшем он часто к этому возвращается; больше всего восхваляет он свой «сад и пруд» и особенно во время весны, когда прольются дожди, все зазеленеет, зацветет, когда проходят «освежительные грозы»... Так и чувствуется: он хочет, чтобы Елизавета Егоровна навестила его в Спасском.

Это желание прорвалось в письме к ней 19 (31) мая 1861 года: «Вы не можете себе представить, как я сожалел о том, что видел Вас только раз в Петербурге. Меня завертели мои литературные и другие приятели — и именно в тот вечер, который я надеялся провести с Вами — Вас не было в Петербурге. Дружеский упрек в Вашем письме только расправил мою рану... Но вот мне пришла в голову светлая мысль: Вы, говорят, едете на лето в Малороссию; ведь Вам придется проезжать в 9 верстах от меня! Если бы Вы заехали в Спасское — это было бы истинным праздником для меня — но я на это не смею надеяться; по крайней мере — известите меня, когда Вы поедете: я бы выехал к Вам навстречу в Мценск, в Тулу, — куда угодно. <...> Но в самом деле, отчего бы Вам не погостить в Спасском? У меня тут старик дядя, женатый — стало быть Вы не у меня — холостяка бы гостили. Подумайте об этом».¹⁶¹

В следующем письме Иван Сергеевич повторяет свое приглашение: «Посещение Ваше моего скромного Спасского было бы для меня праздником. Но уж это, быть может, слишком много, и я не смею надеяться. — Хорошего здесь только один сад — особенно теперь, когда всё зелено, свежо и пышно».¹⁶² И еще в следующем (7/19 июня): «Когда Вы едете в деревню? И остановитесь ли Вы в Туле? А в Спасское завернете? Или Вы переменили свои намерения и не покинете Петербурга? Мне бы очень хотелось знать не только Ваши намерения, — но и числа их, т. е. leur date. (А плох и неловок еще русский язык.)».¹⁶³

Она... не приехала: «Жаль, жаль, что Вы не заедете в Спасское... но если Вам хорошо в маленьком в Вашем доме — оставайтесь там» (15/27 июня).¹⁶⁴ Она переменила план лета; но отчего бы ей просто нарочно не приехать навестить в его родном углу того, кого она называла своим другом? Может быть, остановили соображения светских приличий, которые тогда сильно тяготели на дамах из *grand monde*;^a она подчинялась им не для себя, а для близких; но, может быть, и сама не могла отделаться от привычек, привитых аристократическим бытом. Тургенев, наверное, был очень огорчен.*

Надо вчитаться в подробности всех писем Тургенева и Е. Е. Ламберт и только тогда впитаешь в себя весь аромат, дышащий от этой изумительной картины прекрасной дружбы, я бы сказал, идеальной близости мужчины и женщины, гораздо более родных друг другу духом, чем обычно бывают брат и сестра. Насколько эта картина выиграла бы и

^a высшего света (*франц.*).

* Когда им была устроена вилла в Бадене, Тургенев приглашал гр. Ламберт и туда (16/28 сентября 1864).¹⁶⁵

обогадилась жизненной реальностью, если бы нам открылась возможность читать попеременно с тургеневскими и письма гр. Ламберт! Тургенева мы знаем по многим другим материалам, и нам хорошо понятен сердечный процесс, который соединил его с нею чистою ровною любовью; но ее облик предстал бы нам в гораздо большей живости и полноте, если бы она показалась нам не только отраженной в душе Тургенева, но и выразившею себя собственным искренним словом в посланиях к другу.

Во всяком случае, он, сам о том не думая, много сделал своими письмами, чтобы дать нам понятие о ней. Он ее идеализировал, но сквозь любовное преувеличение живо сквозит, наверное, похожий портрет, начертанный обладателем неподражаемого художественного мастерства.

Тургенев пишет Е. Е. Ламберт 28 октября (9 ноября) 1862 года (в день исполнившегося его сорокачетырёхлетия): «...мы с Вами — давно узнали и, смею прибавить, полюбили друг друга. Будем пользоваться тем невеселым фактом, что мы вообще попали на нашу планету — но попали в одно время — и не выпустим друг друга из вида: помощь всякому нужна и от всякого — и с первого до последнего дня жизни». ¹⁶⁶ Это письмо написано уже после того, как она испытала большое горе — потерю сына. В том же письме он еще говорит ей следующее: «То, что Вы мне говорите о Вас самих, меня и трогает и радует: я вижу, что Вы дошли до того спокойствия самоотрицания, которое столь же благодатно и благотворно — сколь спокойствие эгоизма — бесплодно и сухо. Ничего не хотеть и не ждать для себя — и глубоко сочувствовать другому — это и есть настоящая святость. Не хочу сказать, что Вы ее достигли; — но Вы на дороге — это уже великое дело. Вы, надеюсь, поймете меня, что, говоря: ничего не хотеть для себя — я не думаю отрицать забот Ваших о своей душе: любить свою душу — и любить себя — две вещи разные». ¹⁶⁷ И все письма кончаются заверениями в верной и неизменной дружбе.

Он очень огорчается, если она выражает сомнение в силе и прочности его чувства к ней. «Вы пишете, что мое письмо Вам показалось холодным, и называете меня балованным ребенком. Увы! Я просто и не в шутку, кажется, старик с недугами — но никогда не соглашусь в том, чтобы что-нибудь от меня к Вам могло быть холодным. <...> Я знаю, очень твердо знаю, что я люблю Вас крепко и неизменно — и Вы сами меня не собьете с этого убеждения» (14/26 февраля 1860). ¹⁶⁸

А через год с лишком (19/31 мая 1861) Иван Сергеевич заверяет: «Милая графиня, я получил Ваше небольшое, печальное, но все-таки дорогое письмецо — и пишу Вам ответ в той же самой комнате и на том же столе (в Спасском. — *И. Г.*), где, лет шесть или семь тому назад — я Вам написал первое мое письмо, вследствие которого и завязалась между нами корреспонденция. Многое с тех пор переменялось — но чувство мое к Вам осталось то же — или нет, оно выросло и окрепло, поту-

скнев немного — но это было неизбежно: кора на 6-летнем дереве грубее, чем на молодом отпрыске — но зато оно прочнее». ¹⁶⁹

5

И вдруг... переписка прекратилась: последнее датированное письмо его помечено Баден-Баденом 29 апреля (11 мая) 1867 года. Продолжались ли отношения — не знаем. Сам Иван Сергеевич в позднейших письмах к другим не упоминает об Е. Е. Ламберт. ¹⁷⁰ Сколько мне известно, не говорится о ней и в воспоминаниях, посвященных Тургеневу дальнейших лет. Между тем она скончалась, как и он, только через шестнадцать лет. Что произошло между ними? Может быть, знает кто-нибудь из лиц, связанных с ее семьей в следующих поколениях, услышав об этом от старших родных? Может быть, вопрос выяснят еще не разысканные биографические материалы, например, ключ скрыт в хранящихся в Париже ее письмах к нему. Возможно, что и она почему-нибудь не отдала для печати всех писем Тургенева к ней и именно самых последних.

Остается печальное недоумение. Строить догадки — трудно. Обращу внимание, что и раньше бывали перерывы в переписке между Тургеневым и гр. Ламберт. Так было в конце 1862 года, и как будто причина (хотя неизвестная) шла от нее. «Я получил Ваше последнее письмо в Спасском, — пишет он из Бадена 7/19 октября, * — Вы меня извещали в нем о Вашем отъезде из Петербурга, но не говорили мне, куда именно Вы ехали, так что я не знал, куда писать Вам. В Петербурге, где я пробыл всего один день <...>, мне сказали, что Вы в Париже — но по собранным справкам Вас там не оказалось. Я всё это говорю Вам для того, чтобы объяснить и извинить мое молчание (я всё еще ласкаю себя надеждою, что Вы его замечаете); но теперь я предполагаю, что Вы уже наверно возвратились в Петербург — и посылаю мое письмо в знакомый домик на Фурштатской. Мне было бы очень горестно, если б между нами прекратились те живые сообщения, к которым я привык и которыми так дорожу; а потому Вы бы меня очень обрадовали, если б ответили мне, хотя в двух словах <...>». ¹⁷²

Напомню, что это происходило год после смерти сына Елизаветы Егоровны, и ее могли охватывать полосы горя, когда не хватало духа писать. Но здесь она скоро отозвалась, и Тургенев радуется (28 октября / 9 ноября): «Милая графиня, спешу благодарить Вас за Ваше письмо — и без дальнейших объяснений и оправданий — возобновить нашу переписку». ¹⁷³ Дальше письмо носит обычный дружески-доверчивый характер. Общение возобновилось в прежнем духе.

Затем в 1864 году переписка опять приостановилась на несколько месяцев, но в промежуток они виделись, хоть и не очень удачно. «...Хотите Вы возобновить со мною переписку? Я бы очень этому был рад — и вообще не вижу причины, почему бы ей прекратиться. Я не очень

* Тургенев выехал из Спасского за границу через Петербург в начале августа. ¹⁷¹

часто видел Вас во время моего пребывания в Петербурге, но, я надеюсь, Вы могли убедиться, что чувства мои к Вам остались те же — и если они Вам показались как бы охладевшими, то это просто происходило оттого, что вся жизнь моя, всё мое существо потускнели. Я вообще до сих пор не изменял старинным своим связям, давней дружбе; было бы грешно — да и невозможно — начать с Вас. А потому, без дальнейших околичностей — приступаю».¹⁷⁴ Далее письмо заканчивается в старом, установившемся тоне.*

Наблюдающиеся перерывы свидетельствуют о нарушении в гр. Ламберт устойчивого настроения. «Я очень обрадовался Вашему письму, милая графиня: я уже начинал терять надежду на возобновление наших сношений. Я должен предполагать, что Вы не получили моего письма, отправленного к Вам нынешним летом в Вену;** потеря этого письма мне только потому неприятна, что она могла внушить Вам несправедливое мнение о моей забывчивости. Как бы то ни было, но сношения наши восстановлены: будем стараться, чтобы они не прерывались. Эти перерывы уже тем досадны, что необходимо нужно всякий раз излагать нечто вроде краткого отчета собственного душевного состояния, <...> а это не всегда удобно сделать — особенно в нескольких строках <...>» (13/25 декабря 1864).¹⁷⁶ Далее, как бы продолжая прерванную нить, Тургенев сообщает о помолвке своей дочери.***

Наконец еще перебой наблюдается в 1866 году. «Давно я к Вам не писал <...> но меня всё останавливала мысль, желаете ли Вы возобновления — хотя медленного и отдаленного — нашей переписки? Не хотите ли Вы — особенно после последних поразивших Вас утрат — вообще покончить с прошедшим, из глубины которого к Вам приходят одни горестные воспоминания? В таком случае Вы мне не ответите — и я пойму Вас. Во всяком случае — знайте, что то, что я Вам предлагаю, — очень скромно и не тревожит и не поднимает ничего *со дня*: это — простой обмен дружеского привета, сообщение немногочисленных жизненных фактов; такого рода скромность или смирение приличествует годам, которых мы достигли» (Баден-Баден, 10/22 марта 1866).****,¹⁷⁷

* Это письмо 92-е, 26 марта (7 апреля) 1864. Еще в предшествующем году Тургенев просит у нее прощения за молчание; но она опять виновата — не сообщила, где она. Он пишет на имя ее мужа в Царское Село. Он интересуется, совершила ли она желанную поездку в Троицу?¹⁷⁵ Выходит, что тут произошло обычное у русских людей затягивание писем в силу каких-нибудь случайностей.

** Отметим, что она в эти годы много ездила по России и за границей.

*** Е. Е. Ламберт всегда обнаруживала интерес к судьбе дочери Тургенева. Она познакомилась с нею в Париже и даже переписывалась с нею. Тургенева она упрекала за недостаточную привязанность к дочери.

**** В том же (1866-м) году Тургенев пишет В. П. Боткину (12/24 декабря) с просьбой узнать, где гр. Ламберт, узнать и сообщить ему ее адрес.¹⁷⁸ Значит, на некоторое время он как бы потерял ее след, очевидно, она давно не писала. Боткин ответил (23 декабря ст. ст.), что она в Петербурге и живет на углу Воскресенского и Фурштатской, в доме Кошкина.¹⁷⁹

Не указывают ли последние слова путь для объяснения не разрыва, а перемены, ослабления общения, которое — если так — шло от нее в силу переворота в ее внутреннем мире, который по-новому окрасил ее жизнь? Под влиянием перенесенных ударов гр. Елизавета Егоровна, возможно, замкнулась в мистическом одиночестве. Такое «обращение» могло соответствовать характеру ее религиозности. Оно могло подорвать сложившиеся отношения — переписка становилась редкою и самая дружба постепенно глотла.

Такое построение можно признать вероятным. Позволительно ли другое предположение? Не могло ли чувство ее к Тургеневу принять такой характер, который заставил бы ее в силу нравственных мотивов отойти от него, замкнуться в себе и подавить любовь, которая должна была представиться ей морально недопустимой вследствие несвободы обеих?

Теоретически здесь нет ничего невозможного. Тургенев намекает, что она была несчастлива в семейной жизни. В сообщениях дочери Кейзерлинга есть также указания, что она разочаровалась в своем муже, когда узнала, что брак с нею явился предметом каких-то имущественных махинаций по инициативе брата ее мужа, гр. Карла Ламберта. Предпринималось будто бы объединить в руках братьев путем воздействия через нее (Елизавету Егоровну) на завещание богатейшего их дяди, который относился к ней с большой симпатией; так им мечталось сплотить в одно целое огромное состояние рода Ламбертов с крупным приданым и наследством Канкриных.* Она, видимо, отказалась содействовать спекуляции ухаживаньем за дядюшкой. Здесь могло произойти в ней охлаждение к мужу и возникнуть новое увлечение другом. Думаю только, что подобное подозрение следует отклонить: десятилетняя открытая, чистая дружба, развившаяся между Елизаветою Егоровной и Иваном Сергеевичем, должна была устранить для ее сердца опасность другой любви, даже если она могла грозить в первые годы знакомства. Она сумела бы ее победить. Загореться же в конце их десятилетия такое чувство вряд ли могло в ее душе после долгого опыта дружеского единения.

Наконец, вероятнее ли будет искать причину происшедшего в каком-нибудь коренном принципиальном расхождении, активно выразившемся с ее стороны протестом и в конце концов разрывом? Между ними всегда были разногласия во взглядах, может быть, и в нравственных убеждениях. Возможно ли, что в конце концов они так обострились, что она уже не смогла их дальше выносить, сохраняя дружбу?

Один старый друг мой, человек глубоко и тонко мыслящий, постоянно работающий над историею новой русской культуры, с которым мы много беседуем и часто о Тургеневе, приписывает именно ему вину

* *Taube*. Bd 2. S. 343—345.

разрыва с гр. Ламберт.¹⁸⁰ В письме ко мне (12 января 1928 года) он определенно высказывает и аргументирует свое мнение.*

Совсем недаром прекратила с ним переписку гр. Ламберт. *Он обманул ее ожидания. Он изменил себе и потерял для нее высший интерес. Устройство замка в Бадене знаменует падение.* Для Пича** это было понятно и похвально, и потому он остается дорогим корреспондентом Тургенева, но для его соотечественников это было *непостижимо* и по справедливости, а не по невежеству... Е. Е. Ламберт — человек декабристского умонастроения или, лучше сказать, душевного склада. Из писем Тургенева ясно, что она все время любовалась сильными сторонами писателя и чуткого человека и негодовала на его недостатки и мелочные черты. Она к самой его личности и ко всем сторонам души и деятельности никогда не относилась безразлично или поверхностно. Она страстно и *требовательно* любила хорошее и ненавидела худое со страстным стремлением уничтожить последние, искажающие любимый образ человека отрицательные черты. Она вела упорную борьбу, и борьба эта была ей любя и важна до тех пор, пока она надеялась на успешный исход. Она чрезвычайно *смело* вела эту борьбу. Это удивительно обаятельная особенность их отношений. Но когда она убедилась, что борьба безнадежна, она, может быть, сделав над собою огромное усилие, отвернулась от Тургенева. Поддерживать с ним светские отношения, *обмен впечатлениями* она не была способна. Она слишком *высоко* его ставила для того, чтобы опуститься до таких мелких отношений. И отец ее, и мать, да, кажется, и муж были люди высокого стиля. И сама она была крупною личностью. С точки зрения ее, поддерживать банальные отношения с тем, кто мог бы быть властителем дум дорогого ей народа (может быть, она надеялась лучше понять этот народ через Тургенева, во многом он и давал ей такое лучшее понимание, потому она так и ценила общение с ним), а между тем забавлялся переложением глухих немецких сказок для царственных посетителей своих друзей, — так поддерживать с Тургеневым отношения было для нее невозможно, — и, прибавлю, она была права.¹⁸¹

В приведенных словах немало верных догадок о самой Е. Е. Ламберт и ее глубоких, серьезных и справедливых отношениях к Тургеневу. Она очень его любила и, может быть, потому должна была чувствовать его слабости и огорчаться ими.*** Но могло ли это привести к разрыву? Я уже говорил: они во многом расходились, многое в личности и действиях своего друга <она> переживала с болью. Много, вероятно, и высказывала она ему упреков и горьких слов.****

О разногласиях много и показательно говорится в его письме от 22 августа (3 сентября) 1864 года. «Я Вам очень благодарен за Ваше

* С его согласия я уже приводил его строки в моей книге «История одной любви»: они особенно важны мне здесь для выяснения разбираемого вопроса.

** *Людвиг Пич* — немецкий писатель, бывший с Тургеневым в близких дружеских отношениях.

*** Хотя не всегда ухватывала она их верно и измеряла правильно.

**** В одном из писем последнего периода читаем такие его слова (6/18 июля 1863): «Я сперва очень удивился, когда узнал из Вашего письма, что Вы боялись, как бы я не оскорбился прежним Вашим письмом; да, я сперва удивился — а потом опечалился при мысли, что увы! ничего в мире не может более оскорбить меня».¹⁸² Значит, она сама признает, что бывала к нему несправедлива. Но это случается в самых дружеских отношениях. Лишь бы только друзья умели понимать, в чем они неправы, и прощать несправедливые упреки. А здесь так и было.

письмо, хотя Вы и браните меня и прощаетесь со мною... * Я вижу из него, что Вы еще помните меня и даже чувствуете ко мне некоторую дружбу... В Вас, к счастью для меня, никогда не было той, хотя добродетельной, но высокомерной неспособности понять — а иногда и простить — чужие недостатки, которую я замечал во многих христианах <...>. Вы меня упрекаете, правда; но, во-первых, в упреках Ваших слышится благосклонность, а, во-вторых, они мне дают возможность попытаться оправдать себя».¹⁸³

Упреки Е. Е. Ламберт касались действительно важных вопросов. «С Вашей точки зрения, за мною две большие вины: первая — отсутствие... ортодоксии; вторая — удаление из родины, происходящее от желания эпикурейской жизни — от эгоизма одним словом».¹⁸⁴ Он отвечает на обвинения. Споры о религии, наверное, часто происходили между ними, и тут им трудно было прийти к соглашению: «О первом пункте я не буду распространяться: я не христианин в Вашем смысле, да, пожалуй, и ни в каком — и потому оставим это в стороне: это может повести только к тяжелым недоразумениям».¹⁸⁵

Но о другом обвинении говорится подробно: «Что касается до второго пункта, то позвольте прежде всего протестовать против слова: презрение, которое Вы мне приписываете: презирают только молодые, горячие люди — а за мной и в молодости этого греха не водилось. Вы говорите: должно служить отечеству — прекрасно; но Вы согласитесь, что я не могу служить ему ни как военный, ни как чиновник, ни как агроном или фабрикант; посильную пользу приносить могу я только как писатель, как артист. Я бы мог заметить тут кстати, что для всякого артиста наступает время и даже право покоя; я хочу только обратить Ваше внимание на тот факт, что нет никакой необходимости писателю непременно жить в своей родине и стараться улавливать видоизменения ее жизни — во всяком случае нет необходимости делать это постоянно; я довольно потрудился на этом поприще — и теперь, почему Вы знаете? может, я намерен приступить к сочинению, которое не будет иметь значения специально русского — а поставит себе цель более обширную? Вы мне ответите, что я хочу только придумать благовидный предлог для моей лени... Но Вы не будете совершенно правы».¹⁸⁶

Между Иваном Сергеевичем и Е. Е. Ламберт остро стал вопрос о его переселении за границу, и она боролась против этого, разделяя чувство других его русских друзей, видела в этом уклонение от долга. Она только напрасно напирала на то, что Тургенев в своей отповеди называет «эпикурейством», и в чем обвинение оскорбляло его. Приводимые оправдания не очень удовлетворительны: он затушевывает то, что и для него было трагедией — конфликт с родиной; тоже, вероятно, обиженный ее толкованиями (лень, склонность к приятной жизни, эгоизм); но нельзя себе вообразить, чтобы она не понимала рокового момента в

* *Прощание* — не скрывает здесь ничего трагического: оно относится к ее отъезду из-за границы, где они виделись. Тургенев только сожалеет об этом.

судьбе друга, не оценила насилие, какое ему приходилось делать над собою, отрываясь от России, — хотя бы это происходило от недостатка стойкости и мужества.

Разногласие в этом коренном вопросе могло причинить Е. Е. Ламберт горькое страдание, но привести к отрицанию друга и разрушить дружбу оно не могло. Она знала все о Тургеневе и была неспособна свести весь его духовный образ к отданию себя в рабство любви и забвению всего остального. Наоборот, ей из его же признаний было известно, какие сложные мотивы заставили его разлучиться с Россией. Опять же она не могла представлять себе жизнь Тургенева в Бадене как купание в легкомысленных наслаждениях в годы, полные трагического смысла для родины (да и для Европы).^{*} Рассматривать последние 20 лет жизни Тургенева как падение — значит не объяснить тяжелого перелома в его биографии и, в частности, оставить в темноте факт ухода от него гр. Ламберт. Это значит — не расследовать этот факт для освещения решающего момента в существовании Тургенева, но приложить к нему уже составленный односторонний критерий о его личности. Тургенев не выдержал напора давивших на него событий; он отступил, но не пал, — напротив, искал спасения, поддержки, передышки, духовного отдыха, — пусть даже назовем взятый им путь неверным и пагубным.

Много болела душой Е. Е. Ламберт за Тургенева, но бросить его за его недостатки ее бескорыстная дружба не могла. Слишком давние были отношения, слишком упрочилась привязанность: любишь не за одни достоинства, но и несмотря на недостатки, последние не могли уничтожить уважения, покоившегося на твердом фундаменте долгой душевной близости. Если бы она отвернулась от Тургенева по таким побуждениям, она, конечно, была бы не права. В баденские (инкриминируемые) годы переписка продолжалась в тех же тонах. Она признавала большое значение, какое имел Тургенев в ее жизни.^{**} Тургенев прямо объявляет: «Несмотря на всякие разноречия, мы близко стоим друг к другу».¹⁸⁸ Он по-прежнему откровенно делился с нею всеми переживаниями; она (это видно) отвечала ему, как друг. «Двери ее души отворялись ему», как и раньше.^{***, 189}

На такой точке зрения я стоял, когда перерабатывал для второго издания свою «Историю одной любви».^{****} Я признавал тогда, что тайна разлуки остается неразгаданною, но считал наиболее вероятным пер-

^{*} Под «эпикурейством» Е. Е. Ламберт, возможно, при своем нравственном ригоризме подразумевала любовь к замужней женщине, не могущую окончиться браком.

^{**} См. письмо <от> 28 октября / 9 ноября 1862 г.: «Вы упоминаете о „благоденствии“, которое я Вам некогда оказал: уж коли я был такой великий человек, то позвольте мне потребовать себе награду: а именно — Вы никогда не должны допускать даже мысль о забывчивости, когда говорите о моих чувствах к Вам».¹⁸⁷

^{***} Письмо <от> 29 апреля / 11 мая 1867 г.

^{****} На предшествовавших страницах я использовал то, что говорил там (С. 281 и далее) по вопросу для той книги второстепенному, но главному для настоящей и потому подлежащему повторению.

вое из предложенных возможных объяснений. Только в самые последние годы узнал я, что в письмах и воспоминаниях *Александра Кейзерлинга*, изданных его дочерью, заключается конкретный материал о гр. Ламберт, с которою они были в близких отношениях. Ознакомившись с тем, что он рассказывает про нее, я убедился, что предположение оправдывается передаваемыми им фактами о последних годах ее жизни.

Он рассказывает, что она сначала боролась всеми силами с своим горем — после смерти сына, стараясь забытья, то занимаясь управлением своими имениями на юге России и устройством быта крестьян, то отдаваясь напряженной работе для бедных, участвуя в благотворительных учреждениях, — но это не насытило ее энергии и не укрепило душу. Она металась; то оставалась в Петербурге, но, по-видимому, смерть сына уничтожила последнюю связь, остававшуюся между нею и мужем; она ездила за границу, собиралась переехать в Москву, поселялась одна в каком-нибудь провинциальном городе, выбранном наудачу (то в Смоленске, то в Харькове); она заботилась о своих братьях, одному из них подарила свое имение Сокульчу около Киева. Это были только внешние отвлечения, не дававшие мира и покоя, а еще больше возбуждавшие ее.

Сильная натура искала духовного выхода из тяжелых мучений. Ум, чувство и воля обращались к религии; но и здесь она, по-видимому, не нашла спасения для своего духа, потерявшего равновесие. Она впала в мрачный мистицизм, погруженный в жестокое и безысходное ощущение своей греховности. Она выражала исступленную радость, что сыновья ее умерли в юности, потому что иначе они только прибавили бы сумму грехов, тяготеющих на человечестве. Сама она считала себя безусловно погибшею грешницею и страшилась не столько смерти, сколько грозного воздаяния, которое ожидает ее за гробом.

Светником и утешителем ее в последние годы был *архиепископ Серафим*, назначенный в Самарскую епархию.* Она переселилась в Самару, чтобы находиться вблизи от него и пользоваться его наставлениями. Она прожила в Самаре самые последние годы жизни и закончила ее в жестоких страданиях: умерла от рака груди 16 июня 1883 года, т. е. только за один месяц до Тургенева.

Такова картина последних лет Е. Е. Ламберт, какую рисует Кейзерлинг. Если она верна целиком, то получается случай долговременно развивавшегося мрачного религиозного психоза, с которым не справилось здоровое сознание, в который погрузилась душа. Сам Кейзерлинг так и рассматривает душевный недуг несчастной женщины.

Только правильно ли истолковывает он все? Ведь со времени смерти сына до ее смерти прошло двадцать два года. Нельзя себе представить,

* В миру Семен Иванович Протопопов (род. 1818 г.), учился в Московской духовной академии, занимал Самарскую кафедру с 1877 по 1891 гг. Образованный богослов, не печатавший сочинений, но знающий и твердый в своих убеждениях, талантливый проповедник и непреклонный характер.

чтобы они все проведены были Е. Е. Ламберт в таком ужасающем состоянии беспросветных мучений.

Прежде всего, заметим, что переписка с Тургеневым продолжалась около шести лет после смерти сына; письма пишутся с обеих сторон реже, но не чувствуется разрушительных душевных конфликтов и ненормального состояния. Она обращается к старому другу с теми же интересами, какие преобладали и раньше в их общении; — она ищет сочувия у него в переживаемом горе.

Е. Е. Ламберт долго крепилась, старалась победить себя, и, может быть, отношения с И. С. Тургеневым замирали потому, что далекий друг оказался не в состоянии ей помочь. Возможно, что ей нужна была религиозная помощь, которой он не мог ей дать, как и другие окружавшие близкие, и она искала такой помощи у представителя церкви. Нашла ли она ее, мы не знаем, но, может быть, Кейзерлинг, в своей спокойной протестантской ортодоксальности, не уразумел характера охватившего ее болезненного религиозного кризиса.

Итак, причина, разъединившая Тургенева и гр. Ламберт, остается не разъясненной до конца. Во всяком случае, отчуждение от Тургенева было последствием общего отчуждения Е. Е. Ламберт от людей, а не результатом разрыва, разочарования или чего-нибудь подобного. Ей не за что было отгадывать Ивана Сергеевича от себя. Может быть, разрешение вопроса кроется в неизвестных нам письмах гр. Ламберт к Тургеневу.

Совсем недавно — скажу в заключение — передо мною явился факт, опять спутывающий только что построенные соображения. Благодаря совсем неожиданной случайности мне на глаза попали копии с группы именно этих неизвестных нам писем гр. Ламберт Тургеневу. Большая часть их относится к 1860-му году (времени расцвета их дружбы); два-три принадлежат к 1861-му и 62-му. Они подтверждают ту картину этой дружбы, какая выносится из писем Тургенева. Но *одно* — помечено *1876-ым годом*. Я не имею пока права и возможности пользоваться этим, быть может, решающим для данного вопроса материалом; но могу сказать, что только что указанное единичное письмо, написанное графинею Ламберт *девять лет* после самых поздних напечатанных и датированных писем к ней, письмо — не носит характера крупного акта *возобновления* надолго прерывавшихся отношений, а звучит просто, как одно из очередных экземпляров переписки, и одушевлено оно таким же дружеским тоном, как и все письма Тургенева.

Значит, не было разрыва, может быть, и большого перерыва в переписке не происходило? Куда же исчезли последующие письма Тургенева от конца шестидесятых и от семидесятых годов? Каково было их содержание, также как и содержание писем гр. Ламберт вообще? Необходимо, чтобы вся их серия была напечатана их владельцами в Париже или — еще лучше — вручена русским исследователям. Нужно постараться отыскать исчезнувшие поздние письма Тургенева, или убедиться, может быть, коллекция, переданная А. Д. Свербеевым в б<ывший> Румянцевский музей, опубликована была не вся.

Еще один нелепый вопрос: почему Тургенев безусловно молчит о гр. Ламберт в последующие годы? Я писал в «Истории одной любви»: ему тяжело было самому потерять общение с нею в дружбе. Может быть, оттого он упорно молчал об их разлуке. Видеть самого Тургенева инициатором ее нет основания. Это отдаление, наверное, было одним из фактов, смущавших его душу в пору лишь относительного успокоения.

Так говорилось в предположении, что произошел по невыясненной причине разрыв или прекращение отношений. Но если никакого разрыва на самом деле не было, а отношения сохранились — и Тургенев продолжал видаться с гр. Ламберт, писать ей письма и получать их от нее? Что же верно? Это важный вопрос для биографии Тургенева и интересная психологическая загадка.

История дружбы И. С. Тургенева и Е. Е. Ламберт остается без конца. Это очень грустно; но и без конца эта полоса в жизни обоих открывается нам в свете привлекательного общения между двумя выдающимися человеческими одушевлениями, которые поняли и полюбили друг друга и много принесли друг другу духовного блага. Только неожиданное и непонятное закрытие прекрасного дружеского диалога, из которого нам пока известен лишь один голос и только отголоски другого, печалит почитателя Тургенева и его биографа.

Дружба эта была крупным фактом во внутренней жизни Тургенева. Помимо того, что она помогала ему жить в трудные времена, в особо острые минуты горя и сомнений, — она была активным органом его творчества. Каким образом? Очень различно. Уже указано, как глубоко (именно глубоко!) переживала она его произведения, часто еще до рождения их в печати. Она была строга, только самая эта строгость действовала как сила, поднимающая и строгость работы над создающимся произведением.* Здесь влияли не только ее слово, впечатления и вкусы. Она сама вся являлась субъектом-сотрудником творчества в беседах, когда Тургенев делился с нею замышлявшимися сюжетами, рисовал вырастающие образы. Она же, помимо своей воли, часто и бессознательно для Тургенева служила ему объектом созидания: через нее он еще глубже узнал женскую природу в ее лучших качествах. Не удивительно, что и богатая ее духовная жизнь, и постоянная внутренняя работа ее над познанием и самопознанием открывала ему в их разнообразном и углубленном общении, важные перспективы при построении взглядов на мир и человека и судьбы их в единстве и вечности. Потерять дружбу Е. Е. Ламберт было для И. С. Тургенева (если она была утрачена в форме разлада, приведшего к разрыву), явилось ему большою бедою, новым горем, которое легло на его испытанную страданиями жизнь. Если же (как я все более склоняюсь думать) ему просто

* Кроме одного только случая, когда ее преувеличенный ригоризм чуть-чуть не привел к уничтожению рукописи «Накануне». Но, может быть, и тут, в решительный момент, если бы автор поддался ее внушению, она остановила бы сжигающую руку.

пришлось покориться духовному перелому, в ней совершившемуся, — ее образ остался, наверное, до конца действенной силою в его душе.

¹ и в столкновениях с родиной — *вписано сверху карандашом*.

² Точное время знакомства Тургенева с Е. Е. Ламберт не установлено и относится исследователями приблизительно к первой половине 1856 г. Г. П. Георгиевский предположил, что «самое знакомство с графиней состоялось лишь в конце его (Тургенева. — В. Л.) пребывания в Петербурге, незадолго до отъезда в Спасское» (*Георгиевский. С. X*), состоявшегося 3 (15) мая. Косвенное предположение Георгиевского подтверждается свидетельством самой гр. Ламберт, вскользь упомянувшей в первом письме к Тургеневу от 24 мая (5 июня) 1856 г. о том, что они виделись за все время непродолжительного знакомства («не более пяти раз») (см.: Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу. С. 149).

³ *Ревель* (с 1917 г. Таллин) — в XIX в. губернский город Эстляндской губернии, военный и торговый порт. Семья Ламбертов неоднократно отдыхала в Ревеле, где у них был свой дом.

⁴ *ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 92.*

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 92—93.

⁷ Там же. С. 93. В ответном письме от 24 мая (5 июня) 1856 г. гр. Ламберт писала: «Я бы приняла Ваш совет заняться Пушкиным хоть бы для того, чтоб иметь с Вами что-нибудь общее — но Бог знает, что мне ничего не следует читать, кроме Акафиста. В душе моей часто бывает темно. Мне нужен свет — его найду я в песнях, сложенных простыми умами, но вдохновенным сердцем или самим Богом. Пушкин — человек, он пробуждает лишь одни страсти — не потому ль его любят женщины и поэты? — В нем есть жизнь, любовь, тревоги, воспоминания. Я боюсь огня» (Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу. С. 150—151).

⁸ *ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 93.*

⁹ Там же.

¹⁰ *Рядом карандашом приписано: м<ожет> б<ыть>*, дополнить.

¹¹ Гр. Ламберт родилась в 1821 г.

¹² *ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 64.*

¹³ военную — *вписано карандашом*.

¹⁴ Основанный в 1817 г. по указу императора Александра I, *Ришельевский лицей* был назван в честь генерала-губернатора Одессы и Новороссийского края (1803—1814) герцога Армана Эммануэля Дюплесси де Ришелье (1766—1822), инициативе которого обязан своим существованием, и стал первым высшим учебным заведением в Одессе (в 1862 г. преобразован в Новороссийский университет). По свидетельству Н. Н. Мурзакевича, после открытия Лицея в 1818 г. «дети петербургских влиятельных фамилий, богатых русских помещиков, родовитых поляков с разных сторон явились в Одессу» (см.: Записки Н. Н. Мурзакевича // *РСт.* 1887. Т. 53. № 2 (Февраль). С. 290). Среди первых воспитанников Ришельевского лицея был и граф И. К. Ламберт, вместе с ним учились князя Дмитрий и Григорий Волконские (сыновья Петра Михайловича), «графы Э. и А. Сен-При, графы Бутурлины, гр. Долан, гр. Девиер, гр. Латур, гр. Рошфор, сыновья генерала Рудзевича, князя Четвертинские, короче — все, что могло платить до 2000 асс<игнациями> в год за воспитание каждого сына (таких набралось до 129 мальчиков) <...>» (Там же). После окончания Ришельевского лицея в 1823 г. И. К. Ламберт был перевезен из Одессы в Санкт-Петербург и определен в Лицейский благородный пансион, размещенный в Царском Селе, который закончил в 1828 г. (X выпуск).

¹⁵ *Венгерская кампания* — интервенция Австрии и России против революционной Венгрии в 1848—1849 гг., в период революционного подъема в Европе.

¹⁶ *Сверху карандашом вписано: а также сословно-классовых отношен<ий>*.

¹⁷ Речь была прочитана В. О. Ключевским с сокращениями на публичном заседании Общества любителей российской словесности 1 февр. 1887 г. Впоследствии переиздана:

Ключеский В. О. Сочинения: В 8 т. М., 1956. Т. 7: Исследования, рецензии, речи (1866—1890). С. 403—422.

¹⁸ Имеется в виду статья: *Иванов-Разумник <Иванов Р. В.>. «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Соч. СПб., 1909. Т. 3. С. 205—234.*

¹⁹ *Гапсаль* (с 1917 г. Хаапсалу) — в XIX в. уездный город Эстляндской губернии, слывший своими морскими купаньями и грязями; расположен на побережье Балтийского моря, в северо-западной части современной Эстонии.

²⁰ в тесной — *вписано чернилами.*

²¹ Образованный на основе коллекций и библиотеки, собранных гр. Н. П. Румянцевым, *Румянцевский музей* с 1862 по 1925 гг. существовал в Москве, куда был перевезен в 1861 г. из Петербурга. Состоял из трех отделов: в первом были собраны произведения русской и западноевропейской живописи, во втором — русские и западноевропейские гравюры; в третьем (этнографический, т. н. Дашковский музей) — коллекции русских путешественников И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, а также частные коллекции, подаренные Румянцевскому музею. После ликвидации музея письма И. С. Тургенева к Е. Е. Ламберт попали в Отдел рукописей Библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ныне РГБ).

²² Речь идет о кн.: *Мазон А. Парижские рукописи И. С. Тургенева / Пер. с франц. Ю. Ган. Под ред. Б. Томашевского. М.; Л., 1931. 259 с.*

²³ *ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 138.*

²⁴ Там же. С. 105.

²⁵ Там же. С. 106—107.

²⁶ Тургенев выехал за границу 21 июля (2 авг.) 1856 г. (см.: *Летопись (1818—1856). С. 339.*)

²⁷ Строки из стихотворения Ф. Шиллера «Die Ideale» («Идеалы», 1795). Перевод принадлежит И. М. Гревсу. Ср. перевод Жуковского («Мечты»): Ты, Дружба, сердца исцелитель, / Мой добрый гений с юных лет (*Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 185.*)

²⁸ В собственном деревянном особняке на Фурштатской Е. Е. и И. К. Ламберт поселились в 1849 г. и прожили там до 1863 г. Дом не сохранился, на его месте архитектором К. К. Циглер фон Шафгаузеном вскоре был построен большой доходный дом (современный адрес — ул. Фурштатская, № 27/17/26). О приблизительном местоположении деревянного особняка Ламбертов см.: *Дубин А. Фурштатская улица. М.; СПб., 2005. С. 106.*

²⁹ *ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 43.*

³⁰ Очевидно, имеются в виду следующие строки из письма Тургенева от 27 марта (8 апр.) 1859 г.: «Все эти дни я часто вспоминал о маленькой комнате в Фурштатской улице и о вечерах, мною проведенных там... Оказывается, что эти воспоминания — лучшее, что я вынес из петербургской жизни» (*ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 28.*)

³¹ *ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 160 (письмо от 16 (28) февр. 1860 г.).*

³² Там же. С. 73.

³³ Там же. С. 146.

³⁴ Там же. С. 122 (письмо от 9 (21) дек. 1859 г.).

³⁵ Гревс перефразирует следующие слова Тургенева из письма от 6 (18) июля 1863 г.: «Продажа Вашего дома, которую я вполне понимаю, смутила меня в том отношении, что я не могу связать теперь с мыслью об Вас никакого „гнезда“ <...>» (*ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 194; выделено мною. — В. Л.*)

³⁶ *ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 271.*

³⁷ Там же. С. 268.

³⁸ Там же. Т. 5. С. 143.

³⁹ Там же. Т. 4. С. 161.

⁴⁰ Там же. С. 254.

⁴¹ Там же. С. 192.

⁴² Там же. С. 187.

⁴³ Там же. Т. 7. С. 193, 194.

⁴⁴ Заключительные слова из XXV главы романа, см.: *ПССуП(2). Соч.* Т. 6. С. 79.

⁴⁵ Имеются в виду следующие строки из письма Тургенева от 31 окт. (12 нояб.) 1860 г.: «Мне непременно нужно хотя два раза в месяц увидеть Ваш симпатический, правильный почерк (заметьте, я говорю: правильный, а не спокойный — и у Вас душа правильная — но не спокойная)» (*ПССуП(2). Письма.* Т. 4. С. 255).

⁴⁶ Усеченная цитата из второй части «Фауста» Гёте: «Zum höchsten Dasein immerfort zu streben» — «Безостановочно к бытию высочайшему стремиться» (ст. 4685, сцена «Красивая местность»). Ср. в переводе Н. А. Холодковского: «И к жизни высшей бодрое стремленье» (сцена «Живописная местность»).

⁴⁷ *ПССуП(2). Письма.* Т. 5. С. 143.

⁴⁸ Там же. Т. 4. С. 63—64. Письмо датируется серединой июля ст. ст.

⁴⁹ Там же. С. 150.

⁵⁰ Там же. С. 88—89.

⁵¹ Там же. С. 89.

⁵² Там же. Т. 5. С. 77.

⁵³ Там же. Т. 3. С. 282—283.

⁵⁴ Там же. Т. 4. С. 150.

⁵⁵ Там же. С. 146.

⁵⁶ Речь идет о следующем фрагменте из письма Тургенева от 28 нояб. (10 дек.) 1860 г.: «Прежде чем отвечать на ваши два большие и прелестные письма, милая графиня, позвольте попенять Вам (хотя это слово отзывается неблагодарностью) за следующую фразу в Вашем письме <...>. Как будто Вы не знаете, что я был бы счастлив, получая от Вас по два письма в день — и что мое предложение было единственно внушено желанием быть скромным и не утруждать Вас слишком!» (*ПССуП(2). Письма.* Т. 4. С. 267). Письма гр. Ламберт, которые упоминает Тургенев, не сохранились.

⁵⁷ *ПССуП(2). Письма.* Т. 4. С. 72.

⁵⁸ Там же. С. 272.

⁵⁹ Там же. С. 349.

⁶⁰ Там же. С. 360.

⁶¹ Там же. С. 366.

⁶² Там же. С. 325.

⁶³ Там же. С. 64.

⁶⁴ Там же. С. 241. Письмо от 21 сент. / 3 окт. 1860 г.

⁶⁵ Здесь контаминированная цитата из нескольких писем Тургенева; первая часть: «мы оба с Вами уже немного ждем для себя (середина июля ст. ст. 1859; Там же. Т. 4. С. 64), вторая: «Нам обоим не совсем легко жить на свете <...>» (31 окт. / 12 нояб. 1860. Там же. С. 254).

⁶⁶ Видоизмененная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва» (1839): «В минуту жизни трудную, / Теснится ль в сердце грусть...».

⁶⁷ *ПССуП(2). Письма.* Т. 4. С. 73.

⁶⁸ Там же. С. 254.

⁶⁹ Там же. Т. 6. С. 46.

⁷⁰ Там же. Т. 5. С. 27—28. Тургенев откликается здесь на исполненное горечи письмо графини Ламберт от 21 февр. (5 марта) 1862 г., в котором она признавалась: «...я заметила какое-то разъединение меж нами, точно мое горе (смерть единственного сына. — В. Л.) стало между нами стеной, точно Вы со мной уже обращаться не умеете. — Вы перестали писать — я на Вас не сердилась и даже не сомневалась в теплом участии Вашем ко мне, но я поняла, что на Вас — человека, преисполненного жизнью земной, — смерть, гроб, ладан, черные покровы наводят такое тяжелое впечатление, что Вы чувствуете одну потребность невольно удалиться от печального зрелища после нескольких слов сожаления и участия» (Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу. С. 154).

⁷¹ *ПССуП(2). Письма.* Т. 5. С. 29.

⁷² Речь идет о следующем фрагменте из письма Тургенева: «С Вашей точки зрения, за мною две большие вины: первая — отсутствие... ортодоксии; вторая — удаление из

родины, происходящее от желания эпикурейской жизни — от эгоизма одним словом» (ПССуП(2). Письма. Т. 6. С. 45—46).

⁷³ Там же. Т. 4. С. 123. Письмо от 12 (24) дек. 1859 г.

⁷⁴ Там же. С. 28—29.

⁷⁵ Там же. С. 29.

⁷⁶ Имеются в виду следующие фрагменты из писем Тургенева: «Вот Вам исповедь человека, который не „сирена“ увуй!... не „тигр“ и не „белый медведь“, а просто старик <...>» (ПССуП(2). Письма. Т. 4. С. 64; ср.: Георгиевский. С. 37. Письмо 16), а также: «Это мне напоминает те вечера, когда Вы то *тигром* меня считали, то селадомом, и всё за слова» (ПССуП(2). Письма. Т. 4. С. 184; ср.: Георгиевский. С. 68. Письмо 37).

⁷⁷ ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 213.

⁷⁸ Здесь контаминированная цитата из следующих двух фрагментов письма Тургенева от 10 (22) июня 1856 г.: «Позволение ехать за границу меня радует... и в то же время я не могу не сознаться, что **лучше было бы для меня не ехать**» (ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 106; выделено мною. — В. Л.) — и ниже: «Впрочем, на словах-то мы все мудрецы: а первая попавшаяся глупость пробежи мимо — так и бросишься за нею в погоню» (Там же. С. 107).

⁷⁹ ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 245.

⁸⁰ Там же. С. 269.

⁸¹ Там же. С. 283.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. Т. 4. С. 64.

⁸⁴ Там же. Т. 5. С. 123.

⁸⁵ Там же. Т. 4. С. 241.

⁸⁶ Там же. С. 268.

⁸⁷ Там же. Т. 5. С. 128—129.

⁸⁸ Источник цитаты не установлен.

⁸⁹ ПССуП(2). Письма. Т. 5. С. 296.

⁹⁰ Там же. Т. 4. С. 388.

⁹¹ Рассмотрению вопроса о месте религии в жизни Тургенева посвящено отдельное исследование Гревса «Религиозная драма Тургенева (Опыт истории души)». «Предметом настоящей работы, — писал он во введении, — я избираю *религиозное начало* в личности Тургенева. Предуказя форму, в которую выливалось это начало в истории его души, я называю свою книгу *религиозною драмою* в жизни Тургенева. Вся его жизнь слагалась из длительного переплетения сурово-драматических процессов — *трагедии любви, трагедии родины, трагедии творчества и трагедии веры*. <...> С первого взгляда кажется, что Тургенев как раз неподходящий объект для постановки по отношению к нему религиозной проблемы, по крайней мере, в положительном смысле. Все привыкли считать его человеком *безрелигиозным*. При этом устанавливаемые формулы разнообразились. Одни признавали его научным *позитивистом*, равнодушным к религии, относящимся к ней лишь как к предмету изучения, а не задаче жизни, — или считающим, что наука разрешит силою разума и то, что до сих пор считалось подведомственным только вере. Другие характеризовали его как *агностика*, спокойно отвечающего на вопрос об абсолюте: не знаю, и не ищущего такого знания, и к вере не стремящегося. Третьи доходили даже до определения его как *атеиста*. Но этот общераспространенный взгляд на великого писателя ошибочен: Тургенев, наоборот, представляется замечательно интересным сюжетом для выяснения *индивидуальной религиозности*» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. № 237. Л. 6—7).

⁹² Среди ранних работ, затрагивающих проблему религиозности Тургенева, которые привлекли внимание И. М. Гревса, можно назвать: Аммон Н. И. «Неведомое» в поэзии Тургенева // Журнал министерства народного просвещения. 1904. № 4 (Апрель). С. 240—294; Андреева А. «Призраки» как исповедь И. С. Тургенева // ВЕ. 1904. № 9 (Сентябрь). С. 5—22; Орловский С. <Шиль С. Н.> О религиозных исканиях Тургенева // Р Мысль. 1911. № 9 (Сентябрь). С. 82—105; Степанов М. Религия русских писателей.

Саратов, 1913. Вып. 3: И. С. Тургенев. 18 с. Как отмечал сам ученый, «чаще стали затрoгиваться эти темы в последние годы, специально в изданиях, вышедших в связи с столетием со дня рождения Ив<ана> С<ергееви>ча» (*ЛФА РАН*. Ф. 726. Оп. 1. № 237. Л. 10), среди них: *Петровский М. А.* Таинственное у Тургенева // *Творчество Тургенева*. Сб. ст. / Под ред. И. Н. Розанова, Ю. М. Соколова. М.: Задруга, 1920. С. 70—97; *Локс Р. Г.* Вера и сомнения Тургенева // *Там же*. С. 93—114; *Габель М. О.* «Песнь торжествующей любви» (Опыт анализа) // *Творческий путь Тургенева*. Сб. ст. / Под ред. Н. Л. Бродского. Пг. 1923. С. 202—225; *Лаврецкий А.* Тургенев и Тютчев // *Там же*. С. 244—276; *Фишер Вл.* Таинственное у Тургенева // *Венок Тургеневу. 1818—1918*. Сб. ст. Одесса, 1918. С. 91—104 и др.

⁹³ *ПССиП(1). Письма*. Т. 10. С. 31—32.

⁹⁴ По всей видимости, имеется в виду фрагмент из «Воспоминаний о Белинском» (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 26—27).

⁹⁵ Имеются в виду следующие строки: «Вы напрасно думаете, что я не откликнусь; я хоть и неверующий, а похристосоваться с Вами очень рад: самая мысль об этом мне приятна» (*ПССиП(1). Письма*. Т. 11. С. 248).

⁹⁶ *ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 51; выделено Гревсом — *Ред.* У Гревса изначально в тексте письма Тургенева вместо немецкого оригинала дан русский перевод (Н. А. Холодковского) из «Фауста».

⁹⁷ *ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 382.

⁹⁸ Там же. Т. 3. С. 107.

⁹⁹ Там же. Т. 4. С. 98.

¹⁰⁰ Там же. С. 387. Ср.: *Георгиевский*. С. 141.

¹⁰¹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 387.

¹⁰² Там же. С. 282.

¹⁰³ Там же. Т. 5. С. 129.

¹⁰⁴ Там же. Т. 3. С. 214. Речь идет об издании «Повестей и рассказов» Тургенева в трех частях, которое вышло в свет 3 (15) нояб. 1856 г. и было, очевидно, передано графине Ламберт по поручению писателя.

¹⁰⁵ *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 245.

¹⁰⁶ Повесть «Ася» была вчерне окончена 15 (27) нояб. 1857 г., а уже в конце ноября Тургенев отправил рукопись в «Современник». В письме от 22 дек. 1857 г. (3 янв. 1858 г.) писатель просил Е. Е. Ламберт ознакомиться с текстом «Аси» в рукописи, которую ей должен был доставить П. В. Анненков, и «сказать свое мнение» об «этой небольшой повести» до ее опубликования в журнале, однако, по всей видимости, графиня не успела ознакомиться с рукописью.

¹⁰⁷ Имеются в виду следующие строки из письма Тургенева: «Я теперь занят другою, большою повестью, главное лицо которой — девушка, существо религиозное; я был приведен к этому лицу наблюдениями над русской жизнью; не скрываю себе трудности моей задачи, но не могу отклонить ее от себя» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 283).

¹⁰⁸ *ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 28.

¹⁰⁹ Там же. С. 28, 65. О том же Тургенев писал гр. Ламберт 9 (21) окт. 1859 г.: «Я теперь работаю весьма прилежно над моей новой повестью, которая, если Вы найдете ее хорошей, разумеется, будет посвящена Вам».

¹¹⁰ Там же. С. 91.

¹¹¹ *Трубецкая Анна Андреевна* (урожд. гр. Гудович; 1819—1882), княгиня, жена Н. И. Трубецкого. Тургенев гостил у нее в Бельфонте 21—25 июля (2—6 авг.) 1859 г.: «...теперь я нахожусь в гостях у княгини Трубецкой (матери княгини Орловой) — очень доброй и милой, хотя несколько эксцентрической женщины. У меня отдельная комнатка в отдельном флигеле, и я много работаю над новым моим романом» (Там же. Т. 4. С. 72). О том же он сообщал в письме к А. Фету от 22 июля (3 авг.): «...а теперь я живу у кн<язя> Трубецкого, в доме, окруженном прекрасным садом и великолепным Фонтенеблонским лесом» (Там же. С. 70).

¹¹² Имеются в виду следующие строки из письма Тургенева: «Если у меня не будет опять болеть горло, как в прошлом году, я вам прежде всех других прочту мой роман в Петербурге» (Там же. С. 73).

¹¹³ Тургенев отправил рукопись романа графине 30 нояб. (12 дек.) 1859 г. (Там же. С. 116).

¹¹⁴ Там же. С. 118—119 (письмо от 3 (15) дек. 1859 г.).

¹¹⁵ См. также: *Анненков П. В. Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856—1862* // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 434.

¹¹⁶ «В течение недолгого нашего разговора с автором, — вспоминал впоследствии П. В. Анненков, — мне все казалось, что уничтожения романа не желал и он сам (Тургенев. — *В. Л.*), что он обратился к постороннему человеку с целью иметь третье, не заинтересованное в деле лицо, на которое можно бы было при случае сослаться» (*Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 434*).

¹¹⁷ *ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 161*.

¹¹⁸ По мнению П. В. Анненкова, «с появлением „Накануне“ начались для Тургенева серьезные неприятности и прежде всего формальный разрыв с издателями „Современника“, вызванный в первую очередь не «разностью мнений», а отказом «Тургенева отдать в журнал новую свою повесть» и намерением «прекратить вообще свои вклады в него» (см.: *Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 434—436*).

¹¹⁹ *ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 227*.

¹²⁰ Там же. С. 254.

¹²¹ Речь идет о следующих строках из письма Тургенева от 28 нояб. (10 дек.) 1860 г.: «... я много работаю — и написал уже около трети большой повести, которую Анненков вам прочтет в рукописи, как только она будет готова <...>» (Там же. С. 268).

¹²² Там же. С. 346.

¹²³ Там же. С. 355.

¹²⁴ Гревс здесь перефразирует следующие строки из письма Тургенева: «...если Вам попадется февральский номер „Русского вестника“, пробегите мою повесть, которая, помнится, так мало Вам понравилась в рукописи» (Там же. Т. 5. С. 28). Рукопись романа Тургенев давал графине Ламберт 1 (13) сент. 1861 г., но, судя по воспоминаниям М. А. Паткуль, сам прочитал им роман вслух (см.: *Воспоминания Марии Александровны Паткуль, рожденной маркизы де Траверсе, за три четверти XIX века. СПб., 1903. С. 156*).

¹²⁵ *ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 28—29*.

¹²⁶ Там же. С. 76—77.

¹²⁷ Там же. С. 195.

¹²⁸ Там же. Т. 7. С. 112.

¹²⁹ Там же. С. 194.

¹³⁰ Имеется в виду следующее признание Тургенева из очерка «Вместо вступления», открывающего собою цикл «Литературных и житейских воспоминаний»: «Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей жизни вырвать на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примириться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить» (*ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 9*).

¹³¹ Речь идет о статье Л. П. Гроссмана «Ранний жанр Тургенева: Приемы композиции „Записок охотника“», впервые опубликованной в составе 2-го номера альманаха «Свисток» литературного общества «Никитинские субботники» (М., 1922. С. 99—114). В библиотеке Н. К. Пиксанова, хранящейся в *ИРЛИ*, находится отдельный оттиск этой статьи с дарственной надписью автора: «Дорогому Николаю Кириаковичу Пиксанову. Л. Гроссман. 28. VIII. <1>922» (№ 5248). Впоследствии статья в доработанном виде и без подзаголовка вошла в собрание сочинений Гроссмана: *Гроссман Л. Собр. соч.: В 5 т. М., 1928. Т. 3: Тургенев. Этюды о Тургеневе — Театр Тургенева. С. 38—63*. В этой работе Гроссман отстаивал «глубоко литературный характер истории зарождения и написания „За-

писок охотника”, чтоб навсегда распрощаться с господствовавшей долгое время легендой о их главной задаче — борьбе с крепостным правом» (С. 42). По его мнению, «факты решительно опровергают» свидетельство самого писателя об аннибаловой клятве, поскольку «в конце 40-х годов Тургенев уехал за границу по целому ряду многообразных и сложных причин: и любовь к Европе, и желание учиться, и вечно прусская ему потребность умственной и культурной жизни, и, наконец, личные причины — увлечение его Виардо — вот что преимущественно влекло его на запад» (С. 43). В своей статье Гроссман неоднократно подчеркивает, что, работая над «Записками охотника», писатель был «всцело поглощен разрешением поставленных литературных проблем и, по обыкновению, совершенно свободен от публицистики», а потому эти рассказы, как и прочие создания Тургенева «создавались органически, неизбежно и просто, „как растет трава”» (С. 44).

¹³² По всей видимости, речь идет о книге Гревса «Спасское и Россия в творчестве Тургенева (Очерки по истории его мирозерцания)».

¹³³ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 270.

¹³⁴ Было: содержания.

¹³⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 283—284.

¹³⁶ В РСт Записка была опубликована под заглавием «Иван Сергеевич Тургенев в эпоху трудов по крестьянскому вопросу, 1858 г.». См. также: ПССиП(2). Соч. Т. 12. С. 351—358; 688—690. Сам Тургенев впоследствии в письме к А. В. Головнину (от 19 (31) янв. 1881 г.) так вспоминал об обстоятельствах ее написания: «...Вы возобновили в моей памяти ту зиму, которую я прожил в Риме с 1857-го на 1858-й г. вместе с князем Львовым, с кн. Черкасским, В. П. Боткиным, гр. Н. Ростовцевым и другими соотечественниками... Первые вести о намерении правительства освободить крестьян застали нас в Риме — и мы, под влиянием этих вестей, устроили сходки, на которых обсуждались все стороны этого жизненного вопроса, произносились речи <...>, наконец, возникла мысль основать тот журнал, о котором я говорю в моей записке. Помнится, я прочел ее на одной из наших сходок; ее одобрили — но кому я ее передал — не знаю; не знаю также, как она попала в Ваши руки. Если я не ошибаюсь, кн. Черкасский взял ее с собою с намерением представить ее на рассмотрение предержавших властей; но всё это было найдено „рано-временным”, как выражались в ту эпоху; да и впоследствии программа предполагаемого журнала не была вполне осуществлена» (ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 43—44).

¹³⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 284.

¹³⁸ Из стихотворения А. А. Фета «Тургеневу» («Прошла зима, затихла вьюга...»), впервые опубликованного в БдЧ (1859. Т. 153. № 1. С. 51); см.: Фет А. А. Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2002. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 1839—1863. С. 305. Писатель откликнулся на присланное ему стихотворение в письме от 26 февр. (10 марта) 1858 г.: «Присланные Вами стихи очень лестны и очень милы» (ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 303).

¹³⁹ В этом письме Тургенев сообщал: «Я на днях еду в Орел — присутствовать, если возможно, на заседаниях комитета <...>» (ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 28. Имеется в виду образованный летом 1858 г. Орловский губернский комитет для составления проекта положения об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян, в который Тургенев не вошел. О результатах выборов и своих впечатлениях от них он сообщил, в частности, в письме к кн. В. А. Черкасскому от 9 (21) июля 1858 г.: «На другой же день после моего приезда я поскакал в Орел в надежде застать там комитетские выборы; но они уже были кончены — весьма скверно, как оно и следовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самых озлобленно-отсталых — и едва ли не единственным представителем прогресса в орловском комитете — как и в других комитетах — будет лицо, назначенное правительством — а именно Ржевский. В странное время мы живем!» (ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 328).

¹⁴⁰ Там же. Т. 4. С. 295—296.

¹⁴¹ Гревс перефразирует следующие слова из письма Тургенева от 1 (13) апр. 1861 г.: «Милая графиня. Вы совсем замолкли — а я ожидал, что именно теперь-то Вы и будете писать мне» (Там же. С. 314).

¹⁴² Далее было: были.

¹⁴³ Было: связывались с.

¹⁴⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 326—327. Письмо от 21 мая (2 июня) 1861 г.

¹⁴⁵ Там же. С. 326.

¹⁴⁶ Там же. С. 345.

¹⁴⁷ Было: беспорядки.

¹⁴⁸ См.: ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 87.

¹⁴⁹ Там же. Письма. Т. 5. С. 76.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же. С. 118. Письмо от 7 (19) окт. 1862 г.

¹⁵² Там же. Т. 4. С. 125. Письмо от 12 (24) дек. 1859 г.

¹⁵³ Яков Иосифович Ламберт скончался 3 (15) нояб. 1861 г. в возрасте 17 лет. В своей записке к Тургеневу графиня писала: «Иван Сергеевич! Я потеряла дорогого единственного сына — и я радуюсь тому, что его кончина была тихая и светлая — он отлетел в лучший мир, оставив по себе именно — вечную память» (*Granjard*, P. 160). По свидетельству К. Ф. Головина, близко знавшего Я. И. Ламберта и его мать, «это был необыкновенно отзывчивый, милый и остроумный юноша». Головин познакомился и «по-настоящему подружился» с ним в 1859 г., когда Я. И. Ламберт (вместе с гр. Н. А. Адлербергом и гр. С. Д. Шереметевым) входил в число ближайших товарищей великого князя Николая Александровича (см.: *Головин К. Ф. Мои воспоминания: В 2 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 36*). «Болеe способного юноши, — писал о Я. И. Ламберте Головин, — я не видал, до того быстро и легко он схватывал любой предмет, усваивал себе любую мысль. Это была необыкновенная смесь остроумия и доброты. Следующую зиму я часто с ним видался, и вечера, когда я к нему ездил — Ламберты жили тогда на Фурштатдской улице, в просторном деревянном доме, которого давно уже нет и следа — были самыми веселыми моими вечерами. В этом доме материнская власть чувствовалась вполне. Граф, отец Яшин, был очень любезным, но и очень бесцветным кавалерийским генералом. Зато мать его была женщина замечательного ума, твердого и тонкого в то же время; на свою наружность она не обращала никакого внимания; оттого и гостиная ее, и наружность оставляли желать многого. Зато это была вполне выдающаяся гостиная, в которой рядом с хозяйкой можно было часто встретить двух других женщин выдающегося ума — княгиню Н. А. Багратион и С. Я. Веригину. Первая была живым контрастом графини, столь же художная, как та была полна. Современный Петербург не представляет ничего подобного утонченной культуре этих трех женщин, не пропускавших ничего из новых веяний в мире искусства и прекрасно знакомых со всей историей искусства прошлого» (Там же. С. 38—39). Я. И. Ламберт был похоронен в Петербурге на кладбище Новодевичьего монастыря. Присутствовавший на отпевании Головин вспоминал: «...Яши Ламберта не стало. Что его так рано свело в могилу, теперь не помню, — крепким здоровьем он вообще не отличался. Живое помню, как плакала вся церковь, когда кончалось отпевание, и тогдашний наш парижский священник — о. Иосиф Васильев, приехавший на время в Петербург, произнес надгробное слово, в котором горячо и правдиво обрисовал нравственный облик милого нам всем молодого покойника. Не плакала одна его мать. На то она была слишком убита горем» (Там же. С. 71).

¹⁵⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 382.

¹⁵⁵ Как следует из переписки с гр. Ламберт, Тургенев неоднократно встречался в Париже с ее братом — графом Валерианом Егоровичем Канкриным (1820—1861). В. Е. Канкрин воспитывался в Пажеском корпусе, начал службу в 1838 г. прапорщиком л.-гв. Измайловского полка. В 1840 г. принимал участие в военных действиях на Кавказе (за отличие в деле при Валерике получил орден св. Анны 4 ст.), участвовал в Венгерской кампании 1849 г., а также в Восточной войне, во время которой за отличие в деле у Селен-Сак в 1855 г. награжден золотой саблей с надписью «за храбрость». С 1856 г. генерал-майор, в апр. 1859 г. назначен исправляющим должность генерал-кригс-комиссара Военного министерства (см.: *Половцов А. А. Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 11. С. 447*). Вспоминая о последнем назначении В. Е. Канкрин, Д. А. Милютин писал: «Затем во

главе хозяйственных департаментов — Комиссариатского и Провиантского состояли: генерал-майор свиты граф Валериан Егорович Канкрин и статс-секретарь тайный советник Петр Александрович Булгаков. Первый был сын знаменитого нашего министра финансов времен Императора Николая I-го, этим только и можно объяснить выбор его на должность „генерал-криг-комиссара”. Он отличался чрезвычайной тучностью, славился как *bon vivant* и ничем не проявлял своих административных способностей. Комиссариатский департамент был самый расстроенный во всем министерстве и более всех других озабочивал генерала Сухозанета, который журил и пилил графа Канкрин; но совершенно вотще, так как ни граф Канкрин, ни сам генерал Сухозанет не были в силах привести в порядок запутанные дела обширной комиссариатской части» (*Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860—1862 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1999. С. 26*). В. Е. Канкрин скончался в Париже 29 окт. (10 нояб.) 1861 г. после тяжелой болезни, похоронен на Смоленском евангелическом кладбище в Петербурге. Жена В. Е. Канкрин — Ольга Александровна, баронесса Сталь фон Гольштейн (1837—1889).

¹⁵⁶ *ПССУП(2). Письма. Т. 4. С. 382*. В ответном письме к Тургеневу от 23 нояб. 1861 Е. Е. Ламберт сообщала подробности прощания с братом В. Е. Канкриним: «Похоронили мы сегодня жалкого брата, много говорили мне об его страданиях — никогда бы не могла представить себе, в какой степени они были невыносимы, если б Ольга (жена В. Е. Канкрин. — *В. Л.*) не прислала фотографию, снятую с покойника. Какое выражение грусти беспредельной и страдания — на этом изнуренном лице: эти волосы, эта борода и усы, как бы поблекшие от смерти, падающие на сжатые губы, эти впалые щеки и виски, этот тонкий нос, как бы заостренный ножом — навзрыд заревела я как бык перед этим зрелищем, который растерзал всю мою душу. — Предстал он перед Богом — лежит под его сильною десницей это колоссальное — ныне бренное тело. — Тем был хорош и достоин прощенья брат Валериан, что не было в нем гордости — ни земной, ни духовной. <...> Мне очень нравится реформатская церковь, простая, чистая, скромная. Пастор говорил очень хорошо, вовсе не о достоинствах покойника (что меня обыкновенно возмущает), а просто о смерти, о Боге, о наших загробных отчетах перед Правосудием — о надежде на милость перед вечной милостью. Именно добрый человек — душа-человек был Валериан, несмотря на все его недостатки; как много народа толпилось на его похоронах — иного важного сановника, министра, могущего многим сделать добра и зла, так не провожают к последнему жилищу» (*Granjard. P. 163*).

¹⁵⁷ *ПССУП(2). Письма. Т. 4. С. 383*.

¹⁵⁸ Там же. С. 387.

¹⁵⁹ В письме гр. Ламберт от 21 февр. (5 марта) 1862 г., на которое отвечает Тургенев, этого выражения нет (см.: Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу. С. 154—155). Очевидно, писатель здесь перефразирует стих Лермонтова из «Мцыри»: «Он встретил смерть лицом к лицу» (см.: *ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 416*. Комментар. Е. М. Хмелевской и Н. А. Хмелевской).

¹⁶⁰ *ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 28*.

¹⁶¹ Там же. Т. 4. С. 324.

¹⁶² Там же. С. 327.

¹⁶³ Там же. С. 342.

¹⁶⁴ Там же. С. 346.

¹⁶⁵ Там же. Т. 6. С. 48.

¹⁶⁶ Там же. Т. 5. С. 128.

¹⁶⁷ Там же. С. 129.

¹⁶⁸ Там же. Т. 4. С. 158.

¹⁶⁹ Там же. С. 324.

¹⁷⁰ И. М. Гревсу осталось неизвестным упоминание о гр. Ламберт в письме Тургеневу к Полине Виардо 1871 г. (см. преамбулу к наст. публикации, примеч. 21),

¹⁷¹ Тургенев выехал из Спасского 31 июля (12 авг.) 1862 г., провел несколько дней в Москве, после чего направился в Петербург, а уже 4 (16) авг. выехал в Баден-Баден.

¹⁷² ПССыП(2). Письма. Т. 5. С. 118.

¹⁷³ Там же. С. 128.

¹⁷⁴ Там же. С. 296.

¹⁷⁵ Речь идет о письме от 6 (18) июля 1863 г., в котором Тургенев писал: «И сказать нельзя, милая графиня, как же давно я собираюсь к Вам писать — так давно, что, пожалуй, мое письмо Вас уже не найдет более в Петербурге. Так и быть, всё же лучше поздно, чем никогда — хотя Вы мне не сообщаете Вашего нового адреса; но я пишу на имя Вашего мужа в Царское Село. Я даже не могу себе представить, где Вы теперь? Совершили ли желанную Вами поездку к Троице?» (Там же. Т. 5. С. 194).

¹⁷⁶ Там же. Т. 6. С. 72.

¹⁷⁷ Там же. Т. 7. С. 25. Выделено Гревсом. — В. Л.

¹⁷⁸ Там же. С. 80.

¹⁷⁹ См.: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869. М.; Л., 1930. С. 251—252.

¹⁸⁰ Имеется в виду *Дмитрий Иванович Шаховской*, с которым И. М. Гревс вел оживленную переписку и обсуждал практически все свои замыслы.

¹⁸¹ Здесь И. М. Гревс объединил фрагменты из двух писем Д. И. Шаховского: от 12 янв. и от 22 янв. 1928 г. (упоминание об этом сохранилось в первоначальном варианте очерка, датируемого 1928 г.; см.: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. № 239). В письме к Гревсу от 12 янв. Шаховской, откликаясь на известие о грядущем переиздании книги «История одной любви. И. С. Тургенев и Полина Виардо», писал: «Но я скажу тебе, что второе издание Виардо требует и более радикальной перделки. Можно в нем отбросить много полемики и поглубже и не столь хвалебно заглянуть в душу Тургенева и в историческую обстановку. Совсем недаром прекратила переписку с ним гр. Ламберт. Он обманул ее ожидания. Он изменил себе. И потерял для нее высший интерес. И эту страшную истину ты должен иметь смелость осознать. Потому что устройство замка в Баден-Бадене, право же, знаменует падение. Оно было подвигом для Пича, для него это было понятно и похвально, поэтому он и оставался дорогим корреспондентом Тургенева, но для соотечественников Тургенева это было *непостижимо* — и по справедливости, а не по их невежеству. Тебе предстоит это объяснить, но ты ничего никому не объяснишь, если будешь стремиться *во что бы то ни стало* оправдать.

Как же ты не понимаешь параллели —

Вяземский — Жорж
Тургенев — Виардо?

Параллель полнейшая! Тургенев был выше Вяземского, поэтому ему реализм в жизни француженки не помешал любить ее строгость в жизни, но он был и ниже Вяземского, подчинившись всецело этому чуждому своей душе элементу из-за того, что в нем было много истинно прекрасного и высокого.

А Жорж Санд независимо от связей с Виардо — она, кстати, способствовала их браку и ценила его не только как мужа своей приятельницы — чрезвычайно интересна для исследователя Тургенева по очень многому другому. В ее жизни и натуре есть многое сродни русскому помещичьему быту и с переживаниями р-у>с<ски>х помещичьих душ на переломе к новым условиям. И, может быть, потому они с такой силой в свое время на эти души влияли. А Варв<ара> Дм<итриевна> (Комарова (псевд. Вл. Каренин). — В. Л.) такой умный и чуткий человек, что я завидую тебе, думая о предстоящих тебе по этому поводу беседах» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. № 334. Л. 143—144).

В следующем «обстоятельном» письме к Гревсу от 22 янв. Шаховской более подробно обозначил свою точку зрения на Тургенева и его отношения с гр. Ламберт: «Тут моя позиция особенная. Я сам р-у>с<к<ий> интеллигент — и всю свою жизнь только и делал, что думал и работал над судьбой — своей и того слоя, к к<ото>рому я принадлежал. Поэтому у меня здесь убеждения крепкие и обоснованные. Для меня это такая же специальность, как для тебя средние века, но еще + вся прожитая мною личная жизнь. И я с этой точки зрения смотрю и на Тургенева.

Ты удивляешься, как это я ранее говорил о параллели с Онегиным, а теперь — о параллели с Вяземским. Но ведь я не о равенстве и совпадении говорю, а о параллели. Параллелей может быть бесконечное множество, и каждая имеет свою поучительность сугубую. Потому что он, лично мне, как личность очень несимпатичный, все же один из интереснейших людей 20—50 годов, и обрисованные им впечатления от встречи с Жорж Картино передают многие впечатления, <ото>рые переживает Тургенев. Но это мелочь. Гораздо существеннее история с Ламберт. Ламберт человек решительно декабристского умонастроения, или, лучше сказать, душевного склада. И из писем Тург<енева> совершенно ясно, что она все время любовалась сильными сторонами писателя и чутко человека и негодовала на его недостатки и мелочные черты. И она и к самой личности и ко всем сторонам его души и его деятельности никогда не относилась безразлично или поверхностно. Она страстно и *требовательно* любила хорошее и ненавидела, со страстным стремлением их уничтожить, искажающие любимый образ человека отрицательные черты Тургенева. Она вела упорную борьбу... и борьба эта была ей любя и важна, пока она надеялась на успешный исход. Она чрезвычайно *смело* вела эту борьбу. Это удивительно обаятельная особенность их отношений. Но когда она убедилась, что борьба безнадежна, она, может быть, сделав над собой огромное усилие, отвернулась от Тургенева. Поддерживать с ним светские отношения, *обмен впечатлениями* — она не была способна. Она слишком *высоко* его ставила для того, чтобы опуститься до таких мелких отношений. И отец ее, и мать, да, кажется, и муж были люди высокого стиля. И сама она была крупной личностью. И с точки зрения ее — поддерживать банальные отношения с тем, кто мог бы быть властителем дум дорогого ей народа (может быть, и даже наверное, она далеко не достаточно этот народ понимала — может быть, она даже надеялась лучше понять его через Тургенева — и во многом он и давал ей такое лучшее понимание, потому она так и ценила общение с ним), а между тем забавлял переложением довольно глупых немецких сказок царственных посетителей своих друзей — так поддерживать с Тургеневым такие отношения было для нее невозможно. И, прибавлю, она была права.

Конечно, ты, может быть, найдешь письма (гр. Ламберт к Тургеневу. — *В. Л.*) и меня победоносно опровергнешь, но, пока в нашем распоряжении только напечатанные тексты, едва ли ты найдешь достаточно убедительные доводы против моей точки зрения. На этом *пока этот* спор можно закончить» (Там же. Л. 154—155 об.). Работая над первым вариантом очерка о Тургеневе и гр. Ламберт, Гревс уже 30 янв. 1928 г. обратился к Шаховскому с просьбой разрешить воспроизвести в нем содержание его писем, на которую 5 февр. Шаховской ответил: «Конечно, согласен на всяческое использование тобой моих мыслей о Тургеневе и Ламберт — с именем или без имени, в подлиннике или пересказе — даже с преувеличением — если без имени, как литературно выйдет лучше» (Там же. Л. 166).

¹⁸² *ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 195.

¹⁸³ Там же. Т. 6. С. 45.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же. С. 46.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же. Т. 5. С. 129.

¹⁸⁸ Там же. Т. 6. С. 46.

¹⁸⁹ Гревс здесь перефразирует следующие слова из письма Тургенева: «Изо всех дверей, в которые я — плохой христианин, но следуя евангельскому правилу, толкался, Ваши двери отворялись легче и чаще всех других» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 193).